

Александр Твардовский

Василий Теркин

1. От автора

На войне, в пыли походной,
В летний зной и в холода,
Лучше нет простой, природной
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки, какой угодной,
Из ручья, из-подо льда, -
Лучше нет воды холодной,
Лишь вода была б — вода.
На войне, в быту суровом,
В трудной жизни боевой,
На снегу, под хвойным кровом,
На стоянке полевой, -
Лучше нет простой, здоровой,
Доброй пищи фронтовой.

Важно только, чтобы повар
Был бы повар — парень свой;
Чтобы числился не даром,
Чтоб подчас не спал ночей, -
Лишь была б она с наваром
Да была бы с пылу, с жару —
Подобрей, погорячей;
Чтоб идти в любую драку,
Силу чувствуя в плечах,
Бодрость чувствуя.

Однако

Дело тут не только в щак.

Жить без пищи можно сутки,

Можно больше, но порой

На войне одной минутки

Не прожить без прибаутки,

Шутки самой немудрой.

Не прожить, как без махорки,

От бомбежки до другой

Без хорошей поговорки

Или присказки какой, -

Без тебя, Василий Теркин,

Вася Теркин — мой герой.

А всего иного пуще

Не прожить наверняка —

Без чего? Без правды сущей,

Правды, прямо в душу бьющей,

Да была б она погуше,

Как бы ни была горька.

Что ж еще?.. И все, пожалуй.

Словом, книга про бойца

Без начала, без конца.

Почему так — без начала?

Потому, что сроку мало

Начинать ее сначала.

Почему же без конца?

Просто жалко молодца.

С первых дней години горькой,

В тяжкий час земли родной

Не шутя, Василий Теркин,

Подружились мы с тобой,

Я забыть того не вправе,

Чем твоей обязан славе,

Чем и где помог ты мне.

Делу время, час забаве,

Дорог Теркин на войне.

Как же вдруг тебя покину?

Старой дружбы верен счет.

Словом, книгу с середины

И начнем. А там пойдет.

2. На привале

— Дельный, что и говорить,

Был старик тот самый,

Что придумал суп варить

На колесах прямо.

Суп — во-первых. Во-вторых,

Кашу в норме прочной.

Нет, старик он был старик

Чуткий — это точно.

Слышь, подкинь еще одну

Ложечку такую,

Я вторую, брат, войну

На веку воюю.

Оцени, добавь чуток.

Покосился повар:

«Ничего себе едок —

Парень этот новый».

Ложку лишнюю кладет,

Молвит несердито:

— Вам бы, знаете, во флот

С вашим аппетитом.

Тот: — Спасибо. Я как раз

Не бывал во флоте.

Мне бы лучше, вроде вас,

Поваром в пехоте.—

И, усевшись под сосной,

Кашу ест, сутулясь.

«Свой?» — бойцы между собой, —

«Свой!» — переглянулись.

И уже, пригревшись, спал

Крепко полк усталый.

В первом взводе сон пропал,

Вопреки уставу.

Привалясь к стволу сосны,

Не щадя махорки,

На войне насчет войны

Вел беседу Теркин.

— Вам, ребята, с середины

Начинать. А я скажу:

Я не первые ботинки

Без починки здесь ношу.

Вот вы прибыли на место,

Ружья в руки — и войой.

А кому из вас известно,

Что такое сабантуй?

— Сабантуй — какой-то праздник?

Или что там — сабантуй?

— Сабантуй бывает разный,

А не знаешь — не толкуй.

Вот под первую бомбежкой

Полежишь с охоты в лежку,

Жив остался — не горюй:

Это — малый сабантуй.

Отдышись, покушай плотно,

Закури и в ус не дуй.

Хуже, брат, как минометный

Вдруг начнется сабантуй.

Тот проймет тебя поглубже, —

Землю-матушку целуй.

Но имей в виду, голубчик,

Это — средний сабантуй.

Сабантуй — тебе наука,
Враг лютует — сам лютуй.
Но совсем иная штука
Это — главный сабантуй.

Парень смолкнул на минуту,
Чтоб прочистить мундштучок,
Словно исподволь кому-то
Подмигнул: держись, дружок...

— Вот ты вышел спозаранку,
Глянул — в пот тебя и в дрожь:
Прут немецких тыща танков...
— Тыща танков? Ну, брат, врешь.

— А с чего мне врать, дружище?
Рассуди — какой расчет?
— Но зачем же сразу — тыща?
— Хорошо. Пускай пятьсот.

— Ну, пятьсот. Скажи по чести,
Не пугай, как старых баб.
— Ладно. Что там триста, двести —
Повстречай один хотя б...

— Что ж, в газетке лозунг точен:
Не беги в кусты да в хлеб.
Танк — он с виду грозен очень,
А на деле глух и слеп.
— То-то слеп. Лежишь в канаве,

А на сердце маята:

Вдруг как сослепу задавит, -

Ведь не видит ни черта.

Повторить согласен снова:

Что не знаешь — не толкуй.

Сабантуй — одно лишь слово —

Сабантуй!.. Но сабантуй

Может в голову ударить,

Или попросту, в башку.

Вот у нас один был парень...

Дайте, что ли, табачку.

Балагуру смотрят в рот,

Слово ловят жадно.

Хорошо, когда кто врет

Весело и складно.

В стороне лесной, глухой,

При лихой погоде,

Хорошо, как есть такой

Парень на походе.

И несмело у него

Просят: — Ну-ка, на ночь

Расскажи еще чего,

Василий Иваныч...

Ночь глуха, земля сыра.

Чуть костер дымится.

— Нет, ребята, спать пора,
Начинай стелиться.

К рукаву припав лицом,
На пригретом взгорке
Меж товарищей бойцов
Лег Василий Теркин.

Тяжела, мокра шинель,
Дождь работал добрый.
Крыша — небо, хата — ель,
Корни жмут под ребра.

Но не видно, чтобы он
Удручен был этим,
Чтобы сон ему не в сон
Где-нибудь на свете.

Вот он полы подтянул,
Укрывая спину,
Чью-то тещу помянул,
Печку и перину.

И приник к земле сырой,
Одолен истомой,
И лежит он, мой герой,
Спит себе, как дома.

Спит — хоть голоден, хоть сыт,
Хоть один, хоть в куче.

Спать за прежний недосып,
Спать в запас научен.

И едва ль герою снится
Всякой ночью тяжкий сон:
Как от западной границы
Отступал к востоку он;

Как прошел он, Вася Теркин,
Из запаса рядовой,
В просоленной гимнастерке
Сотни верст земли родной.

До чего земля большая,
Величайшая земля.
И была б она чужая,
Чья-нибудь, а то — своя.

Спит герой, храпит — и точка.
Принимает все, как есть.
Ну, своя — так это ж точно.
Ну, война — так я же здесь.

Спит, забыв о трудном лете.
Сон, забота, не бунтуй.
Может, завтра на рассвете
Будет новый сабантуй.

Спят бойцы, как сон застал,
Под сосною впокат.

Часовые на постах

Мокнут одиноко.

Зги не видно. Ночь вокруг.

И бойцу взгрустнется.

Только что-то вспомнит вдруг,

Вспомнит, усмехнется.

И как будто сон пропал,

Смех прогнал зевоту.

— Хорошо, что он попал,

Теркин, в нашу роту.

Теркин — кто же он такой?

Скажем откровенно:

Просто парень сам собой

Он обыкновенный.

Впрочем, парень хоть куда.

Парень в этом роде

В каждой роте есть всегда,

Да и в каждом взводе.

И чтоб знали, чем силен,

Скажем откровенно:

Красотою наделен

Не был он отменной.

Не высок, не то чтоб мал,
Но герой — героем.
На Карельском воевал —
За рекой Сестрою.

И не знаем почему, -
Спрашивать не стали, -
Почему тогда ему
Не дали медали.

С этой темы повернем,
Скажем для порядка:
Может, в списке наградном
Вышла опечатка.

Не гляди, что на груди,
А гляди, что впереди!

В строй с июня, в бой с июля,
Снова Теркин на войне.

— Видно, бомба или пуля
Не нашлась еще по мне.

Был в бою задет осколком,
Зажило — и столько толку.
Трижды был я окружен,
Трижды — вот он! — вышел вон.

И хоть было беспокойно —

Оставался невредим
Под огнем косым, трехслойным,
Под навесным и прямым.

И не раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
А частично истреблен...

Но, однако,
Жив вояка,
К кухне — с места, с места — в бой.

Курит, ест и пьет со вкусом
На позиции любой.

Как ни трудно, как ни худо —
Не сдавай, вперед гляди,

Это присказка покуда,
Сказка будет впереди.

3. Перед боем

— Доложу хотя бы вкратце,
Как пришлось нам в счет войны
С тыла к фронту пробираться
С той, с немецкой стороны.

Как с немецкой, с той зарецкой
Стороны, как говорят,
Вслед за властью за советской,
Вслед за фронтом шел наш брат.

Шел наш брат, худой, голодный,
Потерявший связь и часть,
Шел поротно и повзводно,
И компанией свободной,
И один, как перст, подчас.

Полям шел, лесною кромкой,
Избегая лишних глаз,
Подходил к селу в потемках,
И служил ему котомкой
Боевой противогаз.

Шел он, серый, бородатый,
И, цепляясь за порог,
Заходил в любую хату,
Словно чем-то виноватый
Перед ней. А что он мог!

И по горькой той привычке,
Как в пути велела честь,
Он просил сперва водички,
А потом просил поесть.

Тетка — где ж она откажет?
Хоть какой, а все ж ты свой.
Ничего тебе не скажет,
Только всхлипнет над тобой,
Только молвит, провожая:
— Воротиться дай вам бог...

То была печаль большая,
Как брели мы на восток.

Шли худые, шли босые
В неизвестные края.
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя!

Шли, однако. Шел и я...

Я дорогою постылой
Пробирался не один.
Человек нас десять было,
Был у нас и командир.

Из бойцов. Мужчина дельный,
Местность эту знал вокруг.
Я ж, как более идейный,
Был там как бы политрук.

Шли бойцы за нами следом,
Покидая пленный край.
Я одну политбеседу
Повторял:
— Не унывай.

Не зарвемся, так прорвемся,
Будем живы — не померем.
Срок придет, назад вернемся,
Что отдали — все вернем.

Самого б меня спросили,
Ровно столько знал и я,
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?

Командир шагал угрюмо,
Тоже, исподволь смотрю,
Что-то он все думал, думал...
— Брось ты думать, — говорю.

Говорю ему душевно.
Он в ответ и молвит вдруг:
— По пути моя деревня.
Как ты мыслишь, политрук?

Что ответить? Как я мыслю?
Вижу, парень прячет взгляд,
Сам поник, усы обвисли.
Ну, а чем он виноват,
Что деревня по дороге,
Что душа заныла в нем?
Тут какой бы ни был строгий,
А сказал бы ты: «Зайдем...»

Встрепенулся ясный сокол,
Бросил думать, начал петь.
Впереди идет далеко,
Оторвался — не поспеть.

А пришли туда мы поздно,

И задами, коноплей,
Осторожный и серьезный,
Вел он всех к себе домой.

Вот как было с нашим братом,
Что попал домой с войны:
Заходи в родную хату,
Пробираясь вдоль стены.

Знай вперед, что толку мало
От родимого угла,
Что война и тут ступала,
Впереди тебя прошла,
Что тебе своей побывкой
Не порадовать жену:
Забежал, поспал урывком,
Догоняй опять войну...

Вот хозяин сел, разулся,
Руку правую — на стол,
Будто с мельницы вернулся,
С поля к ужину пришел.
Будто так, а все иначе...
— Ну, жена, топи-ка печь,
Всем довольствием горячим
Мне команду обеспечить.

Дети спят. Жена хлопочет,
В горький, грустный праздник свой,
Как ни мало этой ночи,

А и та — не ей одной.

Расторопными руками
Жарит, варит поскорей,
Полотенца с петухами
Достает, как для гостей.

Напоила, накормила,
Уложила на покой,
Да с такой заботой милой,
С доброй ласкою такой,
Словно мы иной порою
Завернули в этот дом,
Словно были мы герои,
И не малые притом.

Сам хозяин, старший воин,
Что сидел среди гостей,
Вряд ли был когда доволен
Так хозяйкою своей.

Вряд ли всей она ухваткой
Хоть когда-нибудь была,
Как при этой встрече краткой,
Так родна и так мила.

И болел он, парень честный,
Понимал, отец семьи,
На кого в плену безвестном
Покидал жену с детьми...

Кончив сборы, разговоры,
Улеглись бойцы в дому.
Лег хозяин. Но не скоро
Подошла она к нему.

Тихо звякала посудой,
Что-то шила при огне.
А хозяин ждет оттуда,
Из угла.
Неловко мне.

Все товарищи уснули,
А меня не гнет ко сну.
Дай-ка лучше в карауле
На крылечке прикорну.

Взял шинель, да, по присловью,
Смастерил себе постель,
Что под низ, и в изголовье,
И наверх, — и все — шинель.

Эх, суконная, казенная,
Военная шинель, —
У костра в лесу прожженная,
Отменная шинель.

Знаменитая, пробитая
В бою огнем врага
Да своей рукой зашитая, -
Кому не дорога!

Упадешь ли, как подкошенный,
Пораненный наш брат,
На шинели той поношенной
Снесут тебя в санбат.

А убьют — так тело мертвое
Твое с другими в ряд
Той шинелкою потертою
Укроют — спи, солдат!

Спи, солдат, при жизни краткой
Ни в дороге, ни в дому
Не пришлось поспать порядком
Ни с женой, ни одному...

На крыльцо хозяин вышел,
Той мне ночи не забыть.

— Ты чего?

— А я дровишек

Для хозяйки нарубить.

Вот не спится человеку,
Словно дома — на войне.
Зашагал на дровосеку,
Рубит хворост при луне.

Тюк да тюк. До света рубит.
Коротка солдату ночь.
Знать, жену жалеет, любит,

Да не знает, чем помочь.

Рубит, рубит. На рассвете

Покидает дом боец.

А под свет проснулись дети,

Поглядят — пришел отец,

Поглядят — бойцы чужие,

Ружья разные, ремни.

И ребята, как большие,

Словно поняли они.

И заплакали ребята.

И подумать было тут:

Может, нынче в эту хату

Немцы с ружьями войдут...

И доньне плач тот детский

В ранний час лихого дня

С той немецкой, с той зарецкой

Стороны зовет меня.

Я б мечтал не ради славы

Перед утром боевым,

Я б желал на берег правый,

Бой пройдя, вступить живым.

И скажу я без утайки,

Приведись мне там идти,

Я хотел бы к той хозяйке

Постучаться по пути.

Попросить воды напиться —
Не затем, чтоб сесть за стол,
А затем, чтоб поклониться
Доброй женщине простой.

Про хозяина ли спросит, -
«Полагаю — жив, здоров».
Взять топор, шинелку сбросить,
Нарубить хозяйке дров.

Потому — хозяин-барин
Ничего нам не сказал?
Может, нынче землю парит,
За которую стоял...

Впрочем, что там думать, братцы.
Надо немца бить спешить.
Вот и все, что Теркин вкратце
Вам имеет доложить.

4. Переправа

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,
Кому темная вода, -

Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,

Обломав у края лед,

Погрузился на понтоны

Первый взвод.

Погрузился, оттолкнулся

И пошел. Второй за ним.

Приготовился, пригнулся

Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,

Громыкнул один, другой

Басовым, железным тоном,

Точно крыша под ногой.

И плывут бойцы куда-то,

Притаив штыки в тени.

И совсем свои ребята

Сразу — будто не они,

Сразу будто не похожи

На своих, на тех ребят:

Как-то все дружней и строже,

Как-то все тебе дороже

И родней, чем час назад.

Поглядеть — и впрямь — ребята!

Как, по правде, желторот,

Холостой ли он, женатый,

Этот стриженный народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи — отцы.

Тем путем идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьем кремневым
Русский труженик-солдат.

Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишских глаз
Смерть в бою свистела часто
И минет ли в этот раз?

Налегли, гребут, потея,
Управляются с шестом.
А вода ревет правее —
Под подорванным мостом.

Вот уже на середине
Их относит и кружит...
А вода ревет в теснине,
Жухлый лед в куски крошит,
Меж погнутых балок фермы
Бьется в пене и в пыли...

А уж первый взвод, наверно,

Достает шестом земли.

Позади шумит протока,

И кругом — чужая ночь.

И уже он так далеко,

Что ни крикнуть, ни помочь.

И чернеет там зубчатый,

За холодную чертой,

Неподступный, непочатый

Лес над черною водой.

Переправа, переправа!

Берег правый, как стена...

Этой ночи след кровавый

В море вынесла волна.

Было так: из тьмы глубокой,

Огненный взметнув клинок,

Луч прожектора протоку

Пересек наискосок.

И столбом поставил воду

Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд.

Густо было там народу —

Наших стриженных ребят...

И увиделось впервые,

Не забудется оно:

Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

Под огнем неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?

Только вскоре стало тихо, —
Переправа сорвалась.

И покамест неизвестно,
Кто там робкий, кто герой,
Кто там парень расчудесный,
А наверно, был такой.

Переправа, переправа...
Темень, холод. Ночь как год.

Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нем молчат ребята
В боевом родном кругу,
Словно чем-то виноваты,
Кто на левом берегу.

Не видать конца ночлегу.
За ночь грудую взялась
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

И усталая с похода,
Что б там ни было, — жива,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.

Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, потом,
Мерзлой хвоей и махрой.

Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом, -
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
Ни вперед и ни назад...

А быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи,
И уже давно
Он не тает в их глазницах
И пылью лежит на лицах —
Мертвым все равно.

Стужи, холода не слышат,
Смерть за смертью не страшна,
Хоть еще паек им пишет

Первой роты старшина.

Старшина паек им пишет,

А по почте полевой

Не быстрее идут, не тише

Письма старые домой,

Что еще ребята сами

На привале при огне

Где-нибудь в лесу писали

Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,

Из Сибири, из Москвы —

Спят бойцы.

Свое сказали

И уже навек правы.

И тверда, как камень, гряда,

Где застыли их следы...

Может — так, а может — чудо?

Хоть бы знак какой оттуда,

И беда б за полбеда.

Долги ночи, жестки зори

В ноябре — к зиме седой.

Два бойца сидят в дозоре

Над холодной водой.

То ли снится, то ли мнится,
Показалось что невесть,
То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видят — маленькая точка
Показалась вдалеке:
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?

— Нет, не чурка и не бочка —

Просто глазу маята.

— Не пловец ли одиночка?

— Шутишь, брат. Вода не та!

Да, вода... Помыслить страшно.

Даже рыбам холодна.

— Не из наших ли вчерашних

Поднялся какой со дна?..

Оба разом присмирели.

И сказал один боец:

— Нет, он выплыл бы в шинели,

С полной выкладкой, мертвец.

Оба здорово продрогли,

Как бы ни было, — впервой.

Подошел сержант с биноклем.

Присмотрелся: нет, живой.

— Нет, живой. Без гимнастерки.

— А не фриц? Не к нам ли в тыл?

— Нет. А может, это Теркин? —

Кто-то робко пошутил.

— Стой, ребята, не соваться,

Толку нет спускать понтон.

— Разрешите попытаться?

— Что пытаться!

— Братцы, — он!

И, у заберегов корку

Ледяную обломав,

Он как он, Василий Теркин,

Встал живой, — добрался вплавь.

Гладкий, голый, как из бани,

Встал, шатаясь тяжело.

Ни зубами, ни губами

Не работает — свело.

Подхватили, обвязали,

Дали валенки с ноги.

Пригрозили, приказали —

Можешь, нет ли, а беги.

Под горой, в штабной избушке,

Парня тотчас на кровать

Положили для просушки,

Стали спиртом растирать.

Растирали, растирали...

Вдруг он молвит, как во сне:
— Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не все на кожу тратить?

Дали стопку — начал жить,
Приподнялся на кровати:
— Разрешите доложить.
Взвод на правом берегу
Жив-здоров назло врагу!
Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить.
А уж следом за огнем
Встанем, ноги разомнем.
Что там есть, перекалечим,
Переправу обеспечим...

Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.

— Молодец! — сказал полковник. —

Молодец! Спасибо, брат.

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
— А еще нельзя ли стопку,
Потому как молодец?

Посмотрел полковник строго,

Покосился на бойца.
— Молодец, а будет много —
Сразу две.
— Так два ж конца...

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

5. О войне

— Разрешите доложить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяноста.

А война — про все забудь
И пенять не вправе.
Собирался в дальний путь,
Дан приказ: «Отставить!»

Грянул год, пришел черед,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за все на свете.

От Ивана до Фомы,
Мертвые ль, живые,
Все мы вместе — это мы,

Тот народ, Россия.

И поскольку это мы,
То скажу вам, братцы,
Нам из этой кутерьмы
Некуда податься.

Тут не скажешь: я — не я,
Ничего не знаю,
Не докажешь, что твоя
Нынче хата с краю.

Не велик тебе расчет
Думать в одиночку.
Бомба — дура. Попадет
Сдуру прямо в точку.

На войне себя забудь,
Помни честь, однако,
Рвись до дела — грудь на грудь,
Драка — значит, драка.

И признать не премину,
Дам свою оценку.
Тут не то, что в старину, —
Стенкою на стенку.

Тут не то, что на кулак:
Поглядим, чей дюже, -
Я сказал бы даже так:

Тут гораздо хуже...

Ну, да что о том судить, -

Ясно все до точки.

Надо, братцы, немца бить,

Не давать отсрочки.

Раз война — про все забудь

И пенять не вправе,

Собирался в долгий путь,

Дан приказ: «Отставить!»

Сколько жил — на том конец,

От хлопот свободен.

И тогда ты — тот боец,

Что для боя годен.

И пойдешь в огонь любой,

Выполнишь задачу.

И глядишь — еще живой

Будешь сам в придачу.

А застигнет смертный час,

Значит, номер вышел.

В рифму что-нибудь про нас

После нас напишут.

Пусть приврут хоть во сто крат,

Мы к тому готовы,

Лишь бы дети, говорят,

Были бы здоровы...

6. Теркин ранен

На могилы, рвы, канавы,
На клубки колючки ржавой,
На поля, холмы — дырявой,
Изувеченной земли,
На болотный лес корявый,
На кусты — снега легли.

И густой поземкой белой
Ветер поле заволок.
Вьюга в трубах обгорелых
Загудела у дорог.
И в снегах непроходимых
Эти мирные края
В эту памятную зиму
Орудийным пахли дымом,
Не людским дымком жилья.

И в лесах, на мерзлой груди
По землянкам без огней,
Возле танков и орудий
И простуженных коней
На войне встречали люди
Долгий счет ночей и дней.

И лихой, нещадной стужи
Не бранили, как ни зла:
Лишь бы немцу было хуже,
О себе ли речь там шла!

И желал наш добрый парень:
Пусть померзнет немец-барин,
Немец-барин не привык,
Русский стерпит — он мужик.

Шумным хлопом рукавичным,
Топотней по целине
Спозаранку день обычный
Начинался на войне.

Чуть вился дымок несмелый,
Оживал костер с трудом,
В закоптелый бак гремела
Из ведра вода со льдом.

Утомленные ночлегом,
Шли бойцы из всех берлог
Греться бегом, мыться снегом,
Снегом жестким, как песок.

А потом — гуськом по стежке,
Соблюдая свой черед,
Котелки забрав и ложки,
К кухням шел за взводом взвод.

Суп досыта, чай до пота, —
Жизнь как жизнь.
И опять война — работа:
— Становись!

Вслед за ротой на опушку
Теркин движется с катушкой,
Разворачивает снасть, -
Приказали делать связь.

Рота головы пригнула.
Снег чернеет от огня.
Теркин крутит: — Тула, Тула!
Тула, слышишь ты меня?

Подмигнув бойцам украдкой:
Мол, у нас да не пойдет, -
Дунул в трубку для порядку,
Командиру подает.

Командиру все в привычку, -
Голос в горсточку, как спичку
Трубку книзу, лег бочком,
Чтоб поземкой не задуло.
Все в порядке.
— Тула, Тула,
Помогите огоньком...

Не расскажешь, не опишешь,
Что за жизнь, когда в бою
За чужим огнем расслышишь
Артиллерию свою.

Воздух круто завивая,
С недалекой огневой
Ахнет, ахнет полковая,
Запоет над головой.

А с позиций отдаленных,
Сразу будто бы не в лад,
Ухнет вдруг дивизионной
Доброй матушки снаряд.

И пойдет, пойдет на славу,
Как из горна, жаром дуть,
С воем, с визгом шепелявым
Расчищать пехоте путь,
Бить, ломать и жечь в окружку.
Деревушка? — Деревушку.
Дом — так дом. Блиндаж — блиндаж.
Врешь, не высидишь — отдашь!

А еще остался кто там,
Запорошенный песком?
Погоди, встает пехота,
Дай достать тебя штыком.

Вслед за ротою стрелковой
Теркин дальше тянет провод.
Взвод — за валом огневым,
Теркин с ходу — вслед за взводом,
Топит провод, точно в воду,

Жив-здоров и невредим.

Вдруг из кустиков корявых,
Взрытых, вспаханных кругом, -
Чох! — снаряд за вспышкой ржавой.
Теркин тотчас в снег — ничком.

Вдался вглубь, лежит — не дышит,
Сам не знает: жив, убит?
Всей спиной, всей кожей слышит,
Как снаряд в снегу шипит...

Хвост овечий — сердце бьется.
Расстается с телом дух.
«Что ж он, черт, лежит — не рвется,
Ждать мне больше недосуг».

Приподнялся — глянул косо.
Он почти у самых ног —
Гладкий, круглый, тупоносый,
И над ним — сырой дымок.

Сколько б душ рванул на выброс
Вот такой дурак слепой
Неизвестного калибра —
С поросенка на убой.

Оглянулся воровато,
Подивился — смех и грех:
Все кругом лежат ребята,

Закопавшись носом в снег.

Теркин встал, такой ли ухарь,

Отряхнулся, принял вид:

— Хватит, хлопцы, землю нюхать,

Не годится, — говорит.

Сам стоит с воронкой рядом

И у хлопцев на виду,

Обратясь к тому снаряду,

Справил малую нужду...

Видит Теркин погребушку -

Не оттуда ль пушка бьет?

Передал бойцам катушку:

— Вы — вперед. А я — в обход.

С ходу двинул в дверь гранатой.

Спрыгнул вниз, пропал в дыму.

— Офицеры и солдаты,

Выходи по одному!..

Тишина. Полоска света.

Что там дальше — поглядим.

Никого, похоже, нету.

Никого. И я один.

Гул разрывов, словно в бочке,

Отдается в глубине.

Дело дрянь: другие точки

Бьют по занятой. По мне.

Бьют неплохо, спору нету.

Добрым словом помяни

Хоть за то, что погреб этот

Прочно сделали они.

Прочно сделали, надежно —

Тут не то что воевать,

Тут, ребята, чай пить можно,

Стенгазету выпускать.

Осмотрелся, точно в хате:

Печка теплая в углу,

Вдоль стены идут полати,

Банки, склянки на полу.

Непривычный, непохожий

Дух обжитого жилья:

Табаку, одежды, кожи

И солдатского белья.

Снова сунутся? Ну что же,

В обороне нынче — я...

На прицеле вход и выход,

Две гранаты под рукой.

Смолк огонь. И стало тихо.

И идут — один, другой...

Теркин, стой. Дыши ровнее.
Теркин, ближе подпусти.
Теркин, целясь. Бей вернее,
Теркин. Сердце, не части.

Рассказать бы вам, ребята,
Хоть не верь глазам своим,
Как немецкого солдата
В двух шагах видал живым.

Подходил он в чем-то белом,
Наклонившись от огня,
И как будто дело делал:
Шел ко мне — убить меня.

В этот ровик, точно с печки,
Стал спускаться на заду...

Теркин, друг, не дай осечки.
Пропадешь, — имей в виду.

За секунду до разрыва,
Знать, хотел подать пример:
Прямо в ровик спрыгнул живо
В полушубке офицер.

И поднялся незадетый,
Цельный. Ждем за косяком.
Офицер — из пистолета,
Теркин — в мягкое — штыком.

Сам присел, присел тихонько.

Повело его легонько.

Тронул правое плечо.

Ранен. Мокро. Горячо.

И рукой коснулся пола:

Кровь, — чужая иль своя?

Тут как даст вблизи тяжелый,

Аж подвинулась земля!

Вслед за ним другой ударил,

И темнее стало вдруг.

«Это — наши, — понял парень, —

Наши бьют, — теперь каюк».

Оглушенный тяжким гулом,

Теркин никнет головой.

Тула, Тула, что ж ты, Тула,

Тут же свой боец живой.

Он сидит за стенкой дзота,

Кровь течет, рукав набряк.

Тула, Тула, неохота

Помирать ему вот так.

На полу в холодной яме

Неохота нипочем

Гибнуть с мокрыми ногами,
Со своим больным плечом.

Жалко жизни той, приманки,
Малость хочется пожить,
Хоть погреться на лежанке,
Хоть портянки просушить...

Теркин сник. Тоска согнула.
Тула, Тула... Что ж ты, Тула?
Тула, Тула. Это ж я...
Тула... Родина моя!..

А тем часом издалека,
Глухо, как из-под земли,
Ровный, дружный, тяжкий рокот
Надвигался, рос. С востока
Танки шли.

Низкогрудый, плоскодонный,
Отягченный сам собой,
С пушкой, в душу наведенной,
Страшен танк, идущий в бой.

А за грохотом и громом,
За броней стальной сидят,
По местам сидят, как дома,
Трое-четверо знакомых

Наших стриженных ребят.

И пускай в бою впервые,
Но ребята — свет пройди.
Ловят в щели смотровые
Кромку поля впереди.

Видят — вздыбился разбитый,
Развороченный накат.
Крепко бито. Цель накрыта.
Ну, а вдруг как там сидят!

Может быть, притих до срока
У орудия расчет?
Развернись машина боком —
Бронебойным припечет.

Или немец с автоматом,
Лезть наружу не дурак,
Там следит за нашим братом,
Выжидает. Как не так.

Двое вслед за командиром
Вниз — с гранатой — вдоль стены.
Тишина.— Углы темны...

— Хлопцы, занята квартира, —
Слышат вдруг из глубины.

Не обман, не вражьи шутки,

Голос вправдашний, родной:

— Пособите. Вот уж сутки

Точка данная за мной...

В темноте, в углу каморки,

На полу боец в крови.

Кто такой? Но смолкнул Теркин,

Как там хочешь, так зови.

Он лежит с лицом землистым,

Не моргнет, хоть глаз коли.

В самый срок его танкисты

Подобрали, повезли.

Шла машина в снежной дымке,

Ехал Теркин без дорог.

И держал его в обнимку

Хлопец — башенный стрелок.

Укрывал своей одежей,

Грел дыханьем. Не беда,

Что в глаза его, быть может,

Не увидит никогда...

Свет пройди, — нигде не сыщешь,

Не случилось видеть мне

Дружбы той святей и чище,

Что бывает на войне.

7. О награде

— Нет, ребята, я не гордый.

Не загадывая вдаль,

Так скажу: зачем мне орден?

Я согласен на медаль.

На медаль. И то не к спеху.

Вот закончили б войну,

Вот бы в отпуск я приехал

На родную сторону.

Буду ль жив еще? — Едва ли.

Тут воюй, а не гадай.

Но скажу насчет медали:

Мне ее тогда подай.

Обеспечь, раз я достоин.

И понять вы все должны:

Дело самое простое —

Человек пришел с войны.

Вот пришел я с полустанка

В свой родимый сельсовет.

Я пришел, а тут гулянка.

Нет гулянки? Ладно, нет.

Я в другой колхоз и в третий —

Вся округа на виду.

Где-нибудь я в сельсовете

На гулянку попаду.

И, явившись на вечерку,
Хоть не гордый человек,
Я б не стал курить махорку,
А достал бы я «Казбек».

И сидел бы я, ребята,
Там как раз, друзья мои,
Где мальцом под лавку прятал
Ноги босые свои.

И дымил бы папиросой,
Угощал бы всех вокруг.
И на всякие вопросы
Отвечал бы я не вдруг.

— Как, мол, что? — Бывало всяко.

— Трудно все же? — Как когда.

— Много раз ходил в атаку?

— Да, случалось иногда.

И девчонки на вечерке
Позабыли б всех ребят,
Только слушали б девчонки,
Как ремни на мне скрипят.

И шутил бы я со всеми,
И была б меж них одна...
И медаль на это время
Мне, друзья, вот так нужна!

Ждет девчонка, хоть не мучай,
Слова, взгляда твоего...

— Но, позволь, на этот случай
Орден тоже ничего?
Вот сидишь ты на вечерке,
И девчонка — самый цвет.

— Нет, — сказал Василий Теркин
И вздохнул. И снова: — Нет.
Нет, ребята. Что там орден.
Не загадывая вдаль,
Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль.

Теркин, Теркин, добрый мальчик,
Что тут смех, а что печаль.
Загадал ты, друг, немало,
Загадал далеко вдаль.

Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвою.
А не носит писем почта
В край родной смоленский твой.

Где девчонки, где вечерки?
Где родимый сельсовет?
Знаешь сам, Василий Теркин,

Что туда дороги нет.

Нет дороги, нету права
Побывать в родном селе.

Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

8. Гармонь

По дороге прифронтовой,
Запоясан, как в строю,
Шел боец в шинели новой,
Догонял свой полк стрелковый,
Роту первую свою.

Шел легко и даже браво
По причине по такой,
Что махал своею правой,
Как и левою рукой.

Отлежался. Да к тому же
Щелкал по лесу мороз,
Защемлял в пути все туже,
Подгонял, под мышки нес.

Вдруг — сигнал за поворотом,
Дверцу выбросил шофер,
Тормозит:
— Садись, пехота,
Щеки снегом бы натер.

Далеко ль?

— На фронт обратно,

Руку вылечил.

— Понятно.

Не герой?

— Покамест нет.

— Доставай тогда кисет.

Курят, едут. Гроб — дорога.

Меж сугробами — туннель.

Чуть ли что, свернешь немного,

Как свернул — снимай шинель.

— Хорошо — как есть лопата.

— Хорошо, а то беда.

— Хорошо — свои ребята.

— Хорошо, да как когда.

Грузовик гремит трехтонный,

Вдруг колонна впереди.

Будь ты пеший или конный,

А с машиной — стой и жди.

С толком пользуйся стоянкой.

Разговор — не разговор.

Наклонился над баранкой, —

Смолк шофер,

Заснул шофер.

Сколько суток полусонных,
Сколько верст в пурге слепой
На дорогах занесенных
Он оставил за собой...

От глухой лесной опушки
До невидимой реки —
Встали танки, кухни, пушки,
Тягачи, грузовики,

Легковые — криво, косо.
В ряд, не в ряд, вперед-назад,
Гусеницы и колеса
На снегу еще визжат.

На просторе ветер резок,
Зол мороз вблизи железа,
Дует в душу, входит в грудь —
Не дотронься как-нибудь.

— Вот беда: во всей колонне
Завалищей нет гармонии,
А мороз — ни статья, ни сесть...
Снял перчатки, трет ладони,
Слышит вдруг:
— Гармонь-то есть.

Уминая снег зернистый,
Впеременку — пляс не пляс —
Возле танка два танкиста

Греют ноги про запас.

— У кого гармонь, ребята?

— Да она-то здесь, браток... —

Оглянулся виновато

На водителя стрелок.

— Так сыграть бы на дорожку?

— Да сыграть — оно не вред.

— В чем же дело? Чья гармошка?

— Чья была, того, брат, нет...

И сказал уже водитель

Вместо друга своего:

— Командир наш был любитель...

Схоронили мы его.

— Так... — С неловкою улыбкой

Поглядел боец вокруг,

Словно он кого ошибкой,

Нехотя обидел вдруг.

Поясняет осторожно,

Чтоб на том покончить речь:

— Я считал, сыграть-то можно,

Думал, что ж ее беречь.

А стрелок:

— Вот в этой башне

Он сидел в бою вчерашнем...

Трое — были мы друзья.

— Да нельзя так уж нельзя.

Я ведь сам понять умею,

Я вторую, брат, войну...

И ранение имею,

И контузию одну.

И опять же — посудите —

Может, завтра — с места в бой...

— Знаешь что, — сказал водитель,

Ну, сыграй ты, шут с тобой.

Только взял боец трехрядку,

Сразу видно — гармонист.

Для началу, для порядку

Кинул пальцы сверху вниз.

Позабытый деревенский

Вдруг завел, глаза закрыв,

Стороны родной смоленской

Грустный памятный мотив,

И от той гармошки старой,

Что осталась сиротой,

Как-то вдруг теплее стало

На дороге фронтовой.

От машин заиндевелых

Шел народ, как на огонь.

И кому какое дело,
Кто играет, чья гармонь.

Только двое тех танкистов,
Тот водитель и стрелок,
Все глядят на гармониста —
Словно что-то невдомек.

Что-то чудится ребятам,
В снежной крутится пыли.
Будто виделись когда-то,
Словно где-то подвезли...

И, сменивши пальцы быстро,
Он, как будто на заказ,
Здесь повел о трех танкистах,
Трех товарищах рассказ.

Не про них ли слово в слово,
Не о том ли песня вся.

И потупились сурово
В шлемах кожаных друзья.

А боец зовет куда-то,
Далеко, легко ведет.
— Ах, какой вы все, ребята,
Молодой еще народ.

Я не то еще сказал бы, —

Про себя поберегу.
Я не так еще сыграл бы, —
Жаль, что лучше не могу.

Я забылся на минутку,
Заигрался на ходу,
И давайте я на шутку
Это все переведу.

Обогреться, потолкаться
К гармонисту все идут.
Обступают.
— Стойте, братцы,
Дайте на руки подуть.

— Отморозил парень пальцы, —
Надо помощь скорую.
— Знаешь, брось ты эти вальсы,
Дай-ка ту, которую...

И опять долой перчатку,
Оглянулся молодцом
И как будто ту трехрядку
Повернул другим концом.

И забыто — не забыто,
Да не время вспоминать,
Где и кто лежит убитый
И кому еще лежать.

И кому траву живому
На земле топтать потом,
До жены прийти, до дому, —
Где жена и где тот дом?

Плясуны на пару пара
С места кинулися вдруг.
Задышал морозным паром,
Разогрелся тесный круг.

— Веселей кружитесь, дамы!
На носки не наступать!

И бежит шофер тот самый,
Опасаясь опоздать.

Чей кормилец, чей поилец,
Где пришелся ко двору?
Крикнул так, что расступились:
— Дайте мне, а то помру!..

И пошел, пошел работать,
Наступая и грозя,
Да как выдумает что-то,
Что и высказать нельзя.

Словно в праздник на вечерке
Половицы гнет в избе,
Прибаутки, поговорки
Сыплет под ноги себе.

Подает за штукой штуку:

— Эх, жаль, что нету стуку,

Эх, друг,

Кабы стук,

Кабы вдруг —

Мощный круг!

Кабы валенки отбросить,

Подковаться на каблук,

Припечатать так, чтоб сразу

Каблуку тому — каюк!

А гармонь зовет куда-то,

Далеко, легко ведет...

Нет, какой вы все, ребята,

Удивительный народ.

Хоть бы что ребятам этим,

С места — в воду и в огонь.

Все, что может быть на свете,

Хоть бы что — гудит гармонь.

Выговаривает чисто,

До души доносит звук.

И сказали два танкиста

Гармонисту:

— Знаешь, друг...

Не знакомы ль мы с тобою?

Не тебя ли это, брат,

Что-то помнится, из боя

Доставляли мы в санбат?
Вся в крови была одежда,
И просил ты пить да пить...

Приглушил гармонь:

— Ну что же,
Очень даже может быть.

— Нам теперь стоять в ремонте.

У тебя маршрут иной.

— Это точно...

— А гармонь-то,

Знаешь что, — бери с собой.

Забирай, играй в охоту,

В этом деле ты мастак,

Весели свою пехоту.

— Что вы, хлопцы, как же так?..

— Ничего, — сказал водитель, —

Так и будет. Ничего.

Командир наш был любитель,

Это — память про него...

И с опушки отдаленной

Из-за тысячи колес

Из конца в конец колонны:

— По машинам! — донеслось.

И опять увалы, взгорки,

Снег да елки с двух сторон...

Едет дальше Вася Теркин, —

Это был, конечно, он.

9. Два солдата

В поле вьюга-завируха,

В трех верстах гудит война.

На печи в избе старуха,

Дед-хозяин у окна.

Рвутся мины. Звук знакомый

Отзывается в спине.

Это значит — Теркин дома,

Теркин снова на войне.

А старик как будто ухом

По привычке не ведет.

— Перелет! Лежи, старуха.—

Или скажет:

— Недолет...

На печи, забившись в угол,

Та следит исподтишка

С уважительным испугом

За повадкой старика,

С кем жила — не уважала,

С кем бранилась на печи,

От кого вдали держала

По хозяйству все ключи.

А старик, одевшись в шубу

И в очках подсев к столу,
Как от клюквы, кривит губы —
Точит старую пилу.

— Вот не режет, точишь, точишь,
Не берет, ну что ты хочешь!..—

Теркин встал:
— А может, дед,
У нее развода нет?

Сам пилу берет:
— А ну-ка... —
И в руках его пила,
Точно поднятая щука,
Острой спинкой повела.

Повела, повисла кротко.

Теркин щурится:

— Ну, вот.

Поищи-ка, дед, разводку,
Мы ей сделаем развод.

Посмотреть — и то отрадно:

Завалившая пила

Так-то ладно, так-то складно

У него в руках прошла.

Обернулась — и готово.

— На-ко, дед, бери, смотри.

Будет резать лучше новой,

Зря инструмент не кори.

И хозяин виновато

У бойца берет пилу.

— Вот что значит мы, солдаты,

Ставит бережно в углу.

А старуха:

— Слаб глазами.

Стар годами мой солдат.

Поглядел бы, что с часами,

С той войны еще стоят...

Снял часы, глядит: машина,

Точно мельница, в пыли.

Паутинами пружины

Пауки обволокли.

Их повесил в хате новой

Дед-солдат давным-давно:

На стене простой сосновой

Так и светится пятно.

Осмотрев часы детально, —

Все ж часы, а не пила, —

Мастер тихо и печально

Посвистел:

— Плохи дела...

Но куда-то шильцем сунул,

Что-то высмотрел в пыли,
Внутри куда-то дунул, плюнул,
Что ты думаешь, — пошли!

Крутит стрелку, ставит пятый,
Час — другой, вперед — назад.
— Вот что значит мы, солдаты.—

Прослезился дед-солдат.

Дед растроган, а старуха,

Отслонив ладонью ухо,

С печки слушает:

— Идут!

— Ну и парень, ну и шут...

Удивляется. А парень

Услужить еще не прочь.

— Может, сало надо жарить?

Так опять могу помочь.

Тут старуха застонала:

— Сало, сало! Где там сало...

Теркин:

— Бабка, сало здесь.

Не был немец — значит, есть!

И добавил, выжидая,

Глядя под ноги себе:

— Хочешь, бабка, угадаю,

Где лежит оно в избе?

Бабка охнула тревожно.

Завозилась на печи.

— Бог с тобою, разве можно...

Помолчи уж, помолчи.

А хозяин плутовато

Гостя под локоть тишком:

— Вот что значит мы, солдаты,

А ведь сало под замком.

Ключ старуха долго шарит,

Лезет с печки, сало жарит

И, страдая до конца,

Разбивает два яйца.

Эх, яичница! Закуски

Нет полезней и прочней.

Полагается по-русски

Выпить чарку перед ней.

— Ну, хозяин, понемножку,

По одной, как на войне.

Это доктор на дорожку

Для здоровья выдал мне.

Отвинтил у фляги крышку:

— Пей, отец, не будет лишку.

Поперхнулся дед-солдат.

Подтянулся:

— Виноват!..

Крошку хлебушка понюхал.

Пожевал — и сразу сыт.

А боец, тряхнув над ухом

Тою флягой, говорит:

— Рассуждая так ли, сяк ли,

Все равно такую каплей

Не согреть бойца в бою.

Будьте живы!

— Пейте.

— Пью...

И сидят они по-братски

За столом, плечо в плечо.

Разговор ведут солдатский,

Дружно спорят, горячо.

Дед кипит:

— Позволь, товарищ.

Что ты валенки мне хвалишь?

Разреши-ка доложить.

Хороши? А где сушить?

Не просушишь их в землянке,

Нет, ты дай-ка мне сапог,

Да суконные портянки

Дай ты мне — тогда я бог!

Снова где-то на задворках
Мерзлый грунт боднул снаряд.
Как ни в чем — Василий Теркин,
Как ни в чем — старик солдат.

— Эти штуки в жизни нашей, —
Дед расхвастался, — пустяк!
Нам осколки даже в каше
Попадались. Точно так.
Попадет, откинешь ложкой,
А в тебя — так и мертвец.

— Но не знали вы бомбежки,
Я скажу тебе, отец.

— Это верно, тут наука,
Тут напротив не попрешь.
А скажи, простая штука
Есть у вас?
— Какая?
— Вошь.

И, макая в сало коркой,
Продолжая ровно есть,
Улыбнулся вроде Теркин
И сказал:
— Частично есть...

— Значит, есть? Тогда ты — воин,
Рассуждать со мной достоин.

Ты — солдат, хотя и млад,
А солдат солдату — брат.

И скажи мне откровенно,
Да не в шутку, а всерьез.
С точки зрения военной
Отвечай на мой вопрос.
Отвечай: побьем мы немца
Или, может, не побьем?

— Погоди, отец, наемся,
Закушу, скажу потом.

Ел он много, но не жадно,
Отдавал закуске честь,
Так-то ладно, так-то складно,
Поглядишь — захочешь есть.

Всю зачистил сковородку,
Встал, как будто вдруг подрос,
И платочек к подбородку,
Ровно сложенный, поднес.
Отряхнул опрятно руки

И, как долг велит в дому,
Поклонился и старухе
И солдату самому.

Молча в путь запоясался,
Осмотрелся — все ли тут?
Честь по чести распрощался,

На часы взглянул: идут!
Все припомнил, все проверил,

Подогнал и под конец
Он вздохнул у самой двери

И сказал:

— Побьем, отец...

В поле вьюга-завируха,
В трех верстах гремит война.
На печи в избе — старуха.
Дед-хозяин у окна.

В глубине родной России,
Против ветра, грудь вперед,
По снегам идет Василий
Теркин. Немца бить идет.

10. О потере

Потерял боец кiset,
Заискался, — нет и нет.

Говорит боец:

— Досадно.

Столько вдруг свалилось бед:
Потерял семью. Ну, ладно.
Нет, так на тебе — кiset!

Запропастился куда-то,
Хвать-похвать, пропал и след.
Потерял и двор и хату.
Хорошо. И вот — кiset.

Кабы годы молодые,
А не целых сорок лет...
Потерял края родные,
Все на свете и кисет.

Посмотрел с тоской вокруг:
— Без кисета, как без рук.

В неприятном школьном доме

Мужики, не детвора.
Не за партой — на соломе,
Перетертой, как костра.

Спят бойцы, кому досуг.
Бородач горюет вслух:

— Без кисета у махорки
Вкус не тот уже. Слаба!

Вот судьба, товарищ Теркин.—

Теркин:

— Что там за судьба!

Так случиться может с каждым,

Возразил бородачу, —
Не такой со мной однажды
Случай был. И то молчу,

И молчит, сопит сурово.
Кое-где привстал народ.
Из мешка из вещевого

Теркин шапку достает.

Просто шапку меховую,

Той подругу боевую,

Что сидит на голове.

Есть одна. Откуда две?

— Привезли меня на танке, —

Начал Теркин, — сдали с рук.

Только нет моей ушанки,

Непорядок чую вдруг.

И не то чтоб очень зябкий, —

Просто гордость у меня.

Потому, боец без шапки —

Не боец. Как без ремня.

А девчонка перевязку

Нежно делает, с опаской,

И, видать, сама она

В этом деле зелена.

— Шапку, шапку мне, иначе

Не поеду! — Вот дела.

Так кричу, почти что плачу,

Рана трудная была.

А она, девчонка эта,

Словно «баюшки-баю»:

— Шапки вашей, — молвит, — нету,

Я вам шапку дам свою.

Наклонилась и надела.

— Не волнуйтесь, — говорит

И своей ручонкой белой

Обкололась: был небрит.

Сколько в жизни всяких шапок

Я носил уже — не счесть,

Но у этой даже запах

Не такой какой-то есть...

— Ишь ты, выдумал примету.

— Слышал звон издалека.

— А зачем ты шапку эту

Сохраняешь?

— Дорога.

Дорога бойцу, как память.

А еще сказать могу

По секрету, между нами, —

Шапку с целью берегу.

И в один прекрасный вечер

Вдруг случится разговор:

«Разрешите вам при встрече

Головной вручить убор.»;

Сам привстал Василий с места

И под смех бойцов густой,

Как на сцене, с важным жестом

Обратился будто к той,
Что пять слов ему сказала,
Что таких ребят, как он,
За войну перевязала,
Может, целый батальон.

— Ишь, какие знает речи,

Из каких политбесед:

«Разрешите вам при встрече.»;

Вон тут что. А ты — кисет.

— Что ж, понятно, холостому

Много лучше на войне:
Нет тоски такой по дому,
По детишкам, по жене.

— Холостому? Это точно.

Это ты как угадал.

Но поверь, что я нарочно
Не женился. Я, брат, знал!

— Что ты знал! Кому другому

Знать бы лучше наперед,
Что уйдет солдат из дому,
А война домой придет.

Что пройдет она потопом

По лицу земли живой
И заставит рыть окопы

Перед самую Москвой.

Что ты знал!..

— А ты постой-ка,

Не гляди, что с виду мал,

Я не столько,

Не полстолько, —

Четверть столько! —

Только знал.

— Ничего, что я в колхозе,

Не в столице курс прошел.

Жаль, гармонь моя в обозе,

Я бы лекцию прочел.

Разреши одно отметить,

Мой товарищ и сосед:

Сколько лет живем на свете?

Двадцать пять! А ты — кисет.

Бородач под смех и гомон

Роет вновь труху-солому,

Перещупал все вокруг:

— Без кисета, как без рук...

— Без кисета, несомненно,

Ты боец уже не тот.

Раз кисет — предмет военный,

На-ко мой, не подойдет?

Принимай, я — добрый парень.

Мне не жаль. Не пропаду.

Мне еще пять штук подарят

В наступающем году.

Тот берет кисет потертый.

Как дитя, обновке рад...

И тогда Василий Теркин

Словно вспомнил:

— Слушай, брат.

Потерять семью не стыдно —

Не твоя была вина.

Потерять башку — обидно,

Только что ж, на то война.

Потерять кисет с махоркой,

Если некому пошить, —

Я не спорю, — тоже горько,

Тяжело, но можно жить,

Пережить беду-проруху,

В кулаке держать табак,

Но Россию, мать-старуху,

Нам терять нельзя никак.

Наши деды, наши дети,

Наши внуки не велят.

Сколько лет живем на свете?

Тыщу?.. Больше! То-то, брат!

Сколько жить еще на свете, —
Год, иль два, иль тыщи лет, —
Мы с тобой за все в ответе.
То-то, брат! А ты — кiset...

11. Поединок

Немец был силен и ловок,
Ладно скроен, крепко шит,
Он стоял, как на подковах,
Не пугай — не побежит.

Сытый, бритый, береженный,
Дармовым добром кормленный,

На войне, в чужой земле
Отоспавшийся в тепле.

Он ударил, не страдая,
Бил, чтоб сбить наверняка.
И была как кость большая
В русской варежке рука...

Не играл со смертью в прятки, —
Взялся — бейся и молчи, —
Теркин знал, что в этой схватке
Он слабей: не те харчи.

Есть войны закон не новый:
В отступление — ешь ты вдоволь,
В обороне — так ли сяк,
В наступление — натошак.

Немец стукнул так, что челюсть

Будто вправо подалась.

И тогда боец, не целясь,

Хряснул немца промеж глаз.

И еще на снег не сплюнул

Первой крови злую соль,

Немец снова в санки сунул

С той же силой, в ту же боль.

Так сошлись, сцепились близко,

Что уже обоймы, диски,

Автоматы — к черту, прочь!

Только б нож и мог помочь.

Бьются двое в клубках пара,

Об ином уже не речь, —

Ладит Теркин от удара

Хоть бы зубы заберечь,

Но покуда Теркин санки

Сколько мог

В бою берег,

Двинул немец, точно штангой,

Да не в санки,

А под вздох.

Охнул Теркин: плохо дело,

Плохо, думает боец.

Хорошо, что легок телом —

Отлетел. А то б — конец...

Устоял — и сам с испугу
Теркин немцу дал леща,
Так что собственную руку
Чуть не вынес из плеча.

Черт с ней! Рад, что не промазал,
Хоть зубам не полон счет,
Но и немец левым глазом
Наблюденья не ведет.

Драка — драка, не игрушка!
Хоть огнем горит лицо,
Но и немец красной юшкой
Разукрашен, как яйцо.

Вот он — в полвершке — противник.
Носом к носу. Теснота.
До чего же он противный —
Дух у немца изо рта.

Злобно Теркин сплюнул кровью.
Ну и запах! Валит с ног.
Ах ты, сволочь, для здоровья,
Не иначе, жрешь чеснок!

Ты куда спешил — к хозяйке?
Матка, млеко? Матка, яйки?
Оказать решил нам честь?

Подай! А кто ты есть,

Кто ты есть, что к нашей бабке

Заявился на порог,

Не спросясь, не скинув шапки

И не вытерши сапог?

Со старухой сладить в силе?

Подай! Нет, кто ты есть,

Что должны тебе в России

Подавать мы пить и есть?

Не калека ли убогий,

Или добрый человек —

Заблудился

По дороге,

Попросился

На ночлег?

Добрым людям люди рады.

Нет, ты сам себе силен.

Ты наводишь

Свой порядок.

Ты приходишь —

Твой закон.

Кто ж ты есть? Мне толку нету,

Чей ты сын и чей отец.

Человек по всем приметам, —

Человек ты? Нет. Подлец!

Двое топчутся по кругу,
Словно пара на кругу,
И глядят в глаза друг другу:
Зверю — зверь и враг — врагу.

Как на древнем поле боя,
Грудь на грудь, что щит на щит, —
Вместо тысяч бьются двое,
Словно схватка все решит.

А вблизи от деревушки,
Где застал их свет дневной,
Самолеты, танки, пушки
У обоих за спиной.

Но до боя нет им дела,
И ни звука с тех сторон.
В одиночку — грудью, телом
Бьется Теркин, держит фронт.

На печальном том задворке,
У покинутых дворов
Держит фронт Василий Теркин,
В забытьи глотая кровь.

Бьется насмерть парень бравый,
Так что дым стоит сырой,
Словно вся страна-держава
Видит Теркина:

— Герой!

Что страна! Хотя бы рота

Видеть издали могла,

Какова его работа

И какие тут дела.

Только Теркин не в обиде.

Не затем на смерть идешь,

Чтобы кто-нибудь увидел.

Хорошо б. А нет — ну что ж...

Бьется насмерть парень бравый —

Так, как бьются на войне.

И уже рукою правой

Он владеет не вполне.

Кость гудит от раны старой,

И ему, чтоб крепче бить,

Чтобы слева класть удары,

Хорошо б левшою быть.

Бьется Теркин,

В драке зоркий,

Утирает кровь и пот.

Изнемог, убился Теркин,

Но и враг уже не тот.

Далеко не та заправка,

И побита морда вся,

Словно яблоко-полявка,

Что иначе есть нельзя.

Кровь — сосульками. Однако

В самый жар вступает драка.

Немец горд.

И Теркин горд.

— Раз ты пес, так я — собака,

Раз ты черт,

Так сам я — черт!

Ты не знал мою натуру,

А натура — первый сорт.

В клочья шкуру —

Теркин чуру

Не попросит. Вот где черт!

Кто одной боится смерти —

Кто плевал на сто смертей.

Пусть ты черт. Да наши черти

Всех чертей

В сто раз чертей.

Бей, не милуй. Зубы стисну.

А убьешь, так и потом

На тебе, как клещ, повисну,

Мертвый буду на живом.

Отоспись на мне, будь ласков,

Да свали меня вперед.

Ах, ты вон как! Драться каской?

Ну не подлый ли народ!

Хорошо же! —

И тогда-то,

Злость и боль забрав в кулак,

Незаряженной гранатой

Теркин немца — с левой — шмяк!

Немец охнул и обмяк...

Теркин ворот нараспашку,

Теркин сел, глотает снег,

Смотрит грустно, дышит тяжело, —

Поработал человек.

Хорошо, друзья, приятно,

Сделав дело, ко двору —

В батальон идти обратно

Из разведки поутру.

По земле ступать советской,

Думать — мало ли о чем!

Автомат нести немецкий,

Между прочим, за плечом.

Языка — добычу ночи, —

Что идет, куда не хочет,

На три шага впереди

Подгонять:

— Иди, иди...

Видеть, знать, что каждый встречный-

Поперечный — это свой.

Не знаком, а рад сердечно,

Что вернулся ты живой.

Доложить про все по форме,

Сдать трофеи не спеша.

А потом тебя покормят, —

Будет мерою душа.

Старшина отпустит чарку,

Строгий глаз в нее кося.

А потом у печки жаркой

Ляг, поспи. Война не вся.

Фронт налево, фронт направо,

И в февральской вьюжной мгле

Страшный бой идет, кровавый,

Смертный бой не ради славы,

Ради жизни на земле.

12. От автора

Сто страниц минуло в книжке,

Впереди — не близкий путь.

Стой-ка, брат. Без передышки

Невозможно. Дай вздохнуть.

Дай вздохнуть, возьми в догадку:

Что теперь, что в старину —
Трудно слушать по порядку
Сказку длинную одну
Все про то же — про войну.

Про огонь, про снег, про танки,
Про землянки да портянки,
Про портянки да землянки,
Про махорку и мороз...

Вот уж нынче повелось:
Рыбаку лишь о путине,
Печнику дудят о глине,
Леснику о древесине,
Хлебопеку о квашне,
Коновалу о коне,
А бойцу ли, генералу —
Не иначе — о войне.

О войне — оно понятно,
Что война. А суть в другом:
Дай с войны прийти обратно
При победе над врагом.

Учинив за все расплату,
Дай вернуться в дом родной
Человеку. И тогда-то
Сказки нет ему иной.

И тогда ему так сладко

Будет слушать по порядку

И подробно обо всем,

Что изведано горбом,

Что исхожено ногами,

Что испытано руками,

Что повидано в глаза

И о чем, друзья, покамест

Все равно — всего нельзя...

Мерзлый грунт долби, лопата,

Танк — дави, греми — граната,

Штык — работай, бомба — бей.

На войне душе солдата

Сказка мирная милей.

Друг-читатель, я ли спорю,

Что войны милее жизнь?

Да война ревет, как море

Грозно в дамбу упершись.

Я одно скажу, что нам бы

Поуправиться с войной.

Отодвинуть эту дамбу

За предел земли родной.

А покуда край обширный

Той земли родной — в плену,

Я — любитель жизни мирной —

На войне пою войну.

Что ж еще? И все, пожалуй,
Та же книга про бойца.
Без начала, без конца,
Без особого сюжета,
Впрочем, правде не во вред.

На войне сюжета нету.

— Как так нету?

— Так вот, нет.

Есть закон — служить до срока,
Служба — труд, солдат — не гость.
Есть отбой — уснул глубоко,
Есть подъем — вскочил, как гвоздь.

Есть война — солдат воюет,
Лют противник — сам лютует.
Есть сигнал: вперед!..— Вперед.
Есть приказ: умри!..— Умрет.

На войне ни дня, ни часа
Не живет он без приказа,
И не может испокон
Без приказа командира
Ни сменить свою квартиру,
Ни сменить портянки он.

Ни жениться, ни влюбиться
Он не может, — нету прав,
Ни уехать за границу

От любви, как бывший граф.

Если в песнях и поется,
Разве можно брать в расчет,
Что герой мой у колодца,
У каких-нибудь ворот,
Буде случай подвернется,
Чью-то долю ущипнет?

А еще добавим к слову:
Жив-здоров герой пока,
Но отнюдь не заколдован
От осколка-дурака,
От любой дурацкой пули,
Что, быть может, наугад,
Как пришлось, летит вслепую,
Подвернулся, — точка, брат.

Ветер злой навстречу пышет,
Жизнь, как веточку, колышет,
Каждый день и час грозя.
Кто доскажет, кто дослышит —
Угадать вперед нельзя.

И до той глухой разлуки,
Что бывает на войне,
Рассказать еще о друге
Кое-что успеть бы мне.

Тем же ладом, тем же рядом,

Только стежкой иной.
Пушки к бою едут задом, —
Это сказано не мной.

13. «Кто стрелял?»

Отдымился бой вчерашний,
Высох пот, металл простыл.
От окопов пахнет пашней,
Летом мирным и простым.

В полверсте, в кустах — противник,
Тут шагам и пядям счет.
Фронт. Война. А вечер дивный
По полям пустым идет.

По следам страды вчерашней,
По немислимой тропе;
По ничьей, помятой, зряшной
Луговой, густой траве;

По земле, рябой от рытвин,
Рваных ям, воронок, рвов,
Смертным зноем жаркой битвы
Опаленных у краев...

И откуда по пустому
Долетел, донесся звук,
Добрый, давний и знакомый
Звук вечерний. Майский жук!

И ненужной горькой лаской

Растревожил он ребят,
Что в росой покрытых касках
По окопчикам сидят.

И такой тоской родною
Сердце сразу обволок!
Фронт, война. А тут иное:
Выводи коней в ночное,
Торопись на пяточок.

Отпляшишь, а там сторонкой
Удаляйся в березняк,
Провожай домой девчонку
Да целуй — не будь дурак,
Налегке иди обратно,
Мать заждалася...

И вдруг —
Вдалеке возник невнятный,
Новый, ноющий, двукратный,
Через миг уже понятный
И томящий душу звук.

Звук тот самый, при котором
В прифронтовой полосе
Поначалу все шоферы
Разбегались от шоссе.

На одной постылой ноте
Ноет, воет, как в трубе.

И бежать при всей охоте

Не положено тебе.

Ты, как гвоздь, на этом взгорке

Вбился в землю. Не тоскуй.

Ведь — согласно поговорке —

Это малый сабантуй...

Ждут, молчат, глядят ребята,

Зубы сжав, чтоб дрожь унять.

И, как водится, оратор

Тут находится под стать.

С удивительной заботой

Подсказать тебе горазд:

— Вот сейчас он с разворота

И начнет. И жизни даст.

Жизни даст!

Со страшным ревом

Самолет ныряет вниз,

И сильнее нету слова

Той команды, что готова

На устах у всех:

— Ложись!..

Смерть есть смерть. Ее прихода

Все мы ждем по старине.

А в какое время года

Легче гибнуть на войне?

Летом солнце греет жарко,
И вступает в полный цвет
Все кругом. И жизни жалко
До зарезу. Летом — нет.

В осень смерть под стать картине,
В сон идет природа вся.
Но в грязи, в окопной глине
Вдруг загнуться? Нет, друзья...

А зимой — земля, как камень,
На два метра глубиной,
Привалит тебя комками —
Нет уж, ну ее — зимой.

А весной, весной... Да где там,
Лучше скажем наперед:
Если горько гибнуть летом,
Если осенью — не мед,
Если в зиму дрожь берет,
То весной, друзья, от этой
Подлой штуки — душу рвет.

И какой ты вдруг покорный
На груди лежишь земной,
Заслонясь от смерти черной
Только собственной спиной.

Ты лежишь ничком, парнишка

Двадцати неполных лет.

Вот сейчас тебе и крышка,

Вот тебя уже и нет.

Ты прижал к вискам ладони,

Ты забыл, забыл, забыл,

Как траву щипали кони,

Что в ночное ты водил.

Смерть грохочет в перепонках,

И далек, далек, далек

Вечер тот и та девчонка,

Что любил ты и берег.

И друзей и близких лица,

Дом родной, сучок в стене...

Нет, боец, ничком молиться

Не годится на войне.

Нет, товарищ, зло и гордо,

Как закон велит бойцу,

Смерть встречай лицом к лицу,

И хотя бы плюнь ей в морду,

Если все пришло к концу...

Ну-ка, что за перемена?

То не шутки — бой идет.

Встал один и бьет с колена

Из винтовки в самолет.

Трехлинейная винтовка
На брезентовом ремне,
Да патроны с той головкой,
Что страшна стальной броне.

Бой неравный, бой короткий.
Самолет чужой, с крестом,
Покачнулся, точно лодка,
Зачерпнувшая бортом.

Накренясь, пошел по кругу,
Кувыркается над лугом, —
Не задерживай — давай,
В землю штопором въезжай!

Сам стрелок глядит с испугом:
Что наделал невзначай.

Скоростной, военный, черный,
Современный, двухмоторный
Самолет — стальная снасть —
Ухнул в землю, завывая,
Шар земной пробить желая
И в Америку попасть.

— Не пробил, старался слабо.

— Видно, место прогадал.

— Кто стрелял? — звонят из штаба.

Кто стрелял, куда попал?

Адъютанты землю роют,
Дышит в трубку генерал.
— Разыскать тотчас героя.

Кто стрелял?

А кто стрелял?

Кто не спрятался в окопчик,
Поминая всех родных,
Кто он — свой среди своих —
Не зенитчик и не летчик,
А герой — не хуже их?

Вот он сам стоит с винтовкой,
Вот поздравили его.
И как будто всем неловко —
Неизвестно отчего.

Виноваты, что ль, отчасти?
И сказал сержант спроста:
— Вот что значит парню счастье,
Глядь — и орден, как с куста!

Не промедливши с ответом,
Парень сдачу подает:
— Не горюй, у немца этот —
Не последний самолет...

С этой шуткой-поговоркой,
Облетевшей батальон,

Перешел в герои Теркин, —

Это был, понятно, он.

14. О герое

— Нет, поскольку о награде

Речь опять зашла, друзья,

То уже не шутки ради

Кое-что добавлю я.

Как-то в госпитале было.

День лежу, лежу второй.

Кто-то смотрит мне в затылок,

Погляжу, а то — герой.

Сам собой, сказать, — мальчишка,

Недолеток-стригунок.

И мутит меня мыслишка:

Вот он мог, а я не мог...

Разговор идет меж нами,

И спрости я с первых слов:

— Вы откуда родом сами —

Не из наших ли краев?

Смотрит он:

— А вы откуда? —

Отвечаю:

— Так и так,

Сам как раз смоленский буду,

Может, думаю, земляк?

Аж привстал герой:

— Ну что вы,

Что вы, — вскинул головой, —

Я как раз из-под Тамбова, —

И потрогал орден свой.

И умолкнул. И похоже,

Подчеркнуть хотел он мне,

Что таких, как он, не может

Быть в смоленской стороне;

Что уж так они вовеки

Различаются места,

Что у них ручьи и реки

И сама земля не та,

И полянки, и пригорки,

И козявки, и жуки...

И куда ты, Васька Теркин,

Лезешь сдуру в земляки!

Так ли, нет — сказать, — не знаю,

Только мне от мысли той

Сторона моя родная

Показалась сиротой,

Сиротинкой, что не видно

На народе, на кругу...

Так мне стало вдруг обидно, —

Рассказать вам не могу.

Это да, что я не гордый
По характеру, а все ж
Вот теперь, когда я орден
Нацеплю, скажу я: врешь!

Мы в землячество не лезем,
Есть свои у нас края.
Ты — тамбовский? Будь любезен.

А смоленский — вот он я,

Не иной какой, не энский,
Безымянный корешок,
А действительно смоленский,
Как дразнили нас, рожок.

Не кичусь родным я краем,
Но пройди весь белый свет —
Кто в рожки тебе сыграет
Так, как наш смоленский дед.

Заведет, задует сивая

Лихая борода:

Ты куда, моя красивая,

Куда идешь, куда...

И ведет, поет, заяривает —

Ладно, что без слов,

Со слезою выговаривает

Радость и любовь.

И за ту одну старинную
За музыку-рожок
В край родной дорогу длинную
Сто раз бы я прошел,

Мне не надо, братцы, ордена,
Мне слава не нужна,
А нужна, больна мне родина,
Родная сторона!

15. Генерал

Заняла война полсвета,
Стон стоит второе лето.
Опоясал фронт страну.
Где-то Ладога... А где-то
Дон — и то же на Дону...

Где-то лошади в упряжке
В скалах зубы бьют об лед...

Где-то яблоня цветет,
И моряк в одной тельняшке
Тащит степью пулемет...

Где-то бомбы топчут город,

Тонут на море суда...

Где-то танки лезут в горы,

К Волге двинулась беда...

Где-то будто на задворке,

Будто знать про то не знал,

На своем участке Теркин

В обороне загорал.

У лесной глухой речушки,
Что катилась вдоль войны,
После доброй постирушки
Поразвесил для просушки
Гимнастерку и штаны.

На припеке обнял землю.
Руки выбросил вперед
И лежит и так-то дремлет,
Может быть, за целый год.

И речушка — неглубокий
Родниковый ручеек —
Шевелит травой-осокой
У его разутых ног.

И курлычет с тихой лаской,
Моеет камушки на дне.
И выходит не то сказка,
Не то песенка во сне.

Я на речке ноги вымою.
Куда, реченька, течешь?
В сторону мою, родимую,
Может, где-нибудь свернешь.

Может, где-нибудь излучиной
По пути зайдешь туда,

И под проволокой колючею

Проберешься без труда,

Меж немецкими окопами,

Мимо вражеских постов,

Возле пушек, в землю вкопанных,

Промелькнешь из-за кустов.

И тропой своей исконною

Протечешь ты там, как тут,

И ни пешие, ни конные

На пути не переймут,

Дотечешь дорогой кружную

До родимого села.

На мосту солдаты с ружьями, —

Ты под мостиком прошла,

Там печаль свою великую,

Что без края и конца,

Над тобой, над речкой, выплакать,

Может, выйдет мать бойца.

Над тобой, над малой речкою,

Над водой, чей путь далек,

Послыхать бы хоть словечко ей,

Хоть одно, что цел сынок.

Помороженный, простуженный

Отдыхает он, герой,

Битый, раненый, контуженный,
Да здоровый и живой...

Теркин — много ли дремал он,
Землю-мать прижав к щеке, —
Слышит:
— Теркин, к генералу
На одной давай ноге.

Посмотрел, поднялся Теркин,
Тут связной стоит,
— Ну что ж,
Без штанов, без гимнастерки
К генералу не пойдешь.

Говорит, чудит, а все же
Сам, волнуясь и сопя,
Непросохшую одежду
Спешно пялит на себя.

Приросла к спине — не стронет.

— Теркин, сроку пять минут.
— Ничего. С земли не сгонят,
Дальше фронта не пошлют.

Подзаправился на славу,
И хоть знает наперед,
Что совсем не на расправу
Генерал его зовет, —
Все ж у главного порога

В генеральском блиндаже —
Был бы бог, так Теркин богу
Помолился бы в душе.

Шутка ль, если разобраться:
К генералуходишь вдруг, —
Генерал — один на двадцать,
Двадцать пять, а может статья,
И на сорок верст вокруг.

Генерал стоит над нами, —
Оробеть при нем не грех, —
Он не только что чинами,
Боевыми орденами,
Он годами старше всех.

Ты, обжегшись кашей, плакал,
Ты пешком ходил под стол,
Он тогда уж был воякой,
Он ходил уже в атаку,
Взвод, а то и роту вел.

И на этой половине —
У передних наших линий,
На войне — не кто как он
Твой ЦК и твой Калинин.
Суд. Отец. Глава. Закон.

Честью, друг, считай немалой,
Заработанной в бою,

Услыхать от генерала
Вдруг фамилию свою.

Знай: за дело, за заслугу
Жмет тебе он крепко руку
Боевой своей рукой.

— Вот, брат, значит, ты какой.
Богатырь. Орел. Ну, просто —
Воин! — скажет генерал.

И пускай ты даже ростом
И плечьми всего не взял,
И одет не для парада, —
Тут война — парад потом, —
Говорят: орел, так надо
И глядеть и быть орлом.

Стой, боец, с достойным видом,
Понимай, в душе имей:
Генерал награду выдал —
Как бы снял с груди своей —
И к бойцовой гимнастике

Прикрепил немедля сам,
И ладонью:
— Вот, брат Теркин, —
По лихим провел усам.

В скобках надобно, пожалуй,

Здесь отметить, что усы,
Если есть у генерала,
То они не для красоты.

На войне ли, на параде
Не пустяк, друзья, когда
Генерал усы погладил
И сказал хотя бы:
— Да...

Есть привычка боевая,
Есть минуты и часы...
И не зря еще Чапаев
Уважал свои усы.

Словом — дальше. Генералу
Показалось под конец,
Что своей награде мало
Почему-то рад боец.

Что ж, боец — душа живая,
На войне второй уж год...

И не каждый день сбивают
Из винтовки самолет.

Молодца и в самом деле
Отличить расчет прямой,

— Вот что, Теркин, на неделю

Можешь с орденом — домой...

Теркин — понял ли, не понял,

Иль не верит тем словам?

Только дрогнули ладони

Рук, протянутых по швам.

Про себя вздохнув глубоко,

Теркин тихо отвечал:

— На неделю мало сроку

Мне, товарищ генерал...

Генерал склонился строго;

— Как так мало? Почему?

— Потому — трудна дорога

Нынче к дому моему.

Дом-то вроде недалечко,

По прямой — пустышный путь...

— Ну, а что ж?

— Да я не речка;

Чтоб легко туда шмыгнуть.

Мне по крайности вначале

Днем соваться не с руки.

Мне идти туда ночами,

Ну, а ночи коротки...

Генерал кивнул:

— Понятно!

Дело с отпуском — табак.—

Пошутил:

— А как обратно

Ты пришел бы?..

— Точно ж так...

Сторона моя лесная,
Каждый кустик мне — родня.

Я пути такие знаю,
Что поди поймай меня!

Мне там каждая знакома
Борозденка под межой.
Я — смоленский. Я там дома.
Я там — свой, а он — чужой.

— Погоди-ка. Ты без шуток.
Ты бы вот что мне сказал...

И как будто в ту минуту
Что-то вспомнил генерал.

На бойца взглянул душевней
И сказал, шагнув к стене:
— Ну-ка, где твоя деревня?
Покажи по карте мне.

Теркин дышит осторожно
У начальства за плечом.
— Можно, — молвит, — это можно.
Вот он Днепр, а вот мой дом.

Генерал отметил точку.

— Вот что, Теркин, в одиночку

Не резон тебе идти.

Потерпи уж, дай отсрочку,

Нам с тобою по пути...

Отпуск точно, аккуратно

За тобой прошу учесть.

И боец сказал:

— Понятно.—

И еще добавил:

— Есть.

Встал по форме у порога,

Призадумался немного,

На секунду на одну...

Генерал усы потрогал

И сказал, поднявшись:

— Ну?..

Сколько он, над картой сидя,

Словом, подписью своей,

Перед тем в глаза не видя,

Посылал на смерть людей!

Что же, всех и не увидишь,

С каждым к расстаням не выйдешь,

На прощанье всем нельзя

Заглянуть тепло в глаза.

Заглянуть в глаза, как другу,

И пожать покрепче руку,

И по имени назвать,

И удачи пожелать,

И, помедливши минутку,

Ободрить старинной шуткой:

Мол, хотя и тяжело,

А, между прочим, ничего...

Нет, на всех тебя не хватит,

Хоть какой ты генерал.

Но с одним проститься кстати

Генерал не забывал.

Обнялись они, мужчины,

Генерал-майор с бойцом, —

Генерал — с любимым сыном,

А боец — с родным отцом.

И бойцу за тем порогом

Предстояла путь-дорога

На родную сторону,

Прямоком через войну.

16. О себе

Я покинул дом когда-то,

Позвала дорога вдаль.

Не мала была утрата,

Но светла была печаль.

И годами с грустью нежной —

Меж иных любых тревог —

Угол отчий, мир мой прежний

Я в душе моей берег.

Да и не было помехи

Взять и вспомнить наугад

Старый лес, куда в орехи

Я ходил с толпой ребят.

Лес — ни пулей, ни осколком

Не пораненный ничуть,

Не порубленный без толку,

Без порядку как-нибудь;

Не корчеванный фугасом,

Не поваленный огнем,

Хламом гильз, жестянок, касок

Не заваленный кругом;

Блиндажами не изрытый,

Не обкуренный зимой,

Ни своими не обжитый,

Ни чужими под землей.

Милый лес, где я мальчонкой
Плел из веток шалаши,
Где однажды я теленка,
Сбившись с ног, искал в глуши...

Полдень раннего июня
Был в лесу, и каждый лист,
Полный, радостный и юный,
Был горяч, но свеж и чист.

Лист к листу, листом прикрытый,
В сборе лиственном густом
Пересчитанный, промытый
Первым за лето дождем.

И в глуши родной, ветвистой,
И в тиши дневной, лесной
Молодой, густой, смолистый,
Золотой держался зной.

И в спокойной чаше хвойной
У земли мешался он
С муравьиным духом винным
И пьянил, склоняя в сон.

И в истоме птицы смолкли...
Светлой каплею смола
По коре нагретой елки,
Как слеза во сне, текла...

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Край недавних детских лет,
Отчий край, ты есть иль нет?

Детства день, до гроба милый,
Детства сон, что сердцу свят,
Как легко все это было
Взять и вспомнить год назад.

Вспомнить разом что придется —

Сонный полдень над водой,
Дворик, стезьку до колодца,
Где песочек золотой;
Книгу, читанную в поле,
Кнут, свисающий с плеча,
Лед на речке, глобус в школе
У Ивана Ильича...

Да и не было запрета,
Проездной купив билет,
Вдруг туда приехать летом,
Где ты не был десять лет...

Чтобы с лаской, хоть не детской,
Вновь обнять старуху мать,
Не под проволокой немецкой
Нужно было проползать.

Чтоб со взрослой грустью сладкой

Праздник встречи пережить —
Не украдкой, не с оглядкой
По родным лесам кружить.

Чтоб сердечным разговором
С земляками встретить день —
Не нужда была, как вору,
Под стеною прятать тень...

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Край, страдающий в плену!
Я приду — лишь дня не знаю,
Но приду, тебя верну.

Не звериным робким следом
Я приду, твой кровный сын, —
Вместе с нашею победой
Я иду, а не один.

Этот час не за горою,
Для меня и для тебя...

А читатель той порою
Скажет:
— Где же про героя?
Это больше про себя.

Про себя? Упрек уместный,
Может быть, меня пресек.

Но давайте скажем честно:

Что ж, а я не человек?

Спорить здесь нужды не вижу,

Сознавайся в чем в другом.

Я ограблен и унижен,

Как и ты, одним врагом.

Я дрожу от боли острой,

Злобы горькой и святой.

Мать, отец, родные сестры

У меня за той чертой.

Я стонать от боли вправе

И кричать с тоски клятой.

То, что я всем сердцем славил

И любил, — за той чертой.

Друг мой, так же не легко мне,

Как тебе с глухой бедой.

То, что я хранил и помнил,

Чем я жил — за той, за той —

За неписаной границей,

Поперек страны самой,

Что горит, горит в зарницах

Вспышек — летом и зимой...

И скажу тебе, не скрою, —

В этой книге, там ли, сям,

То, что молвить бы герою,

Говорю я лично сам.
Я за все кругом в ответе,
И заметь, коль не заметил,
Что и Теркин, мой герой,
За меня гласит порой.
Он земляк мой и, быть может,
Хоть нимало не поэт,
Все же как-нибудь похоже
Размышлял. А нет, ну — нет.

Теркин — дальше. Автор — вслед.

17. Бой в болоте

Бой безвестный, о котором
Речь сегодня поведем,
Был, прошел, забылся скоро...
Да и вспомнят ли о нем?

Бой в лесу, в кустах, в болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь — по грудь;

Где брели бойцы понуро,
И, скользнув с бревна в ночи,
Артиллерия тонула,
Увязали тягачи.

Этот бой в болоте диком
На втором году войны
Не за город шел великий,

Что один у всей страны;

Не за гордую твердыню,

Что у матушки-реки,

А за некий, скажем ныне,

Населенный пункт Борки.

Он стоял за тем болотом

У конца лесной тропы,

В нем осталось ровным счетом

Обгорелых три трубы.

Там с открытых и закрытых

Огневых — кому забыть! —

Было бито, бито, бито,

И, казалось, что там бить?

Там в щебенку каждый камень,

В щепки каждое бревно.

Называлось там Борками

Место черное одно.

А в окружку — мох, болото,

Край от мира в стороне.

И подумать вдруг, что кто-то

Здесь родился, жил, работал,

Кто сегодня на войне.

Где ты, где ты, мальчик босый,

Деревенский пастушок,

Что по этим дымным росам,
Что по этим кочкам шел?

Бился ль ты в горах Кавказа
Или пал за Сталинград,
Мой земляк, ровесник, брат,
Верный долгу и приказу
Русский труженик-солдат.

Или, может, в этих дымах,
Что уже недалеки,
Видишь нынче свой родимый
Угол дедовский, Борки?

И у той черты недальной,
У земли многострадальной.
Что была к тебе добра,
Влился голос твой в печальный
И протяжный стон: Ура-а...

Как в бою удачи мало
И дела нехороши,
Виноватого, бывало,
Там попробуй поищи.

Артиллерия толково
Говорит — она права:
— Вся беда, что танки снова
В лес свернули по дрова.

А еще сложнее счеты,
Чуть танкиста повстречал:
— Подвела опять пехота.
Залегла. Пропал запал.

А пехота не хвастливо,
Без отрыва от земли
Лишь махнет рукой лениво:
— Точно. Танки подвели.

Так идет оно по кругу,
И ругают все друг друга,
Лишь в согласие все подряд
Авиацию бранят.

Все хорошие ребята,
Как посмотришь — красота,
И ничуть не виноваты,
И деревня не взята.

И противник по болоту,
По траншейкам торфяным
Садит вновь из минометов —
Что ты хочешь делай с ним.

Адреса разведал точно,
Шлет посылки спешной почтой,
И лежишь ты, адресат,
Изнывая, ждешь за кочкой,
Скоро ль мина влепит в зад.

Перемокшая пехота
В полный смак клянет болото,
Не мечтает о другом —
Хоть бы смерть, да на сухом.

Кто-нибудь еще расскажет,
Как лежали там в тоске.
Третьи сутки кукиш кажет
В животе кишка кишке.

Посыпает дождик редкий,
Кашель злой терзает грудь.
Ни клочка родной газетки —
Козью ножку завернуть;

И ни спичек, ни махорки —
Все раскисло от воды.
— Согласись, Василий Теркин,
Хуже нет уже беды?

Тот лежит у края лужи,
Усмехнулся:
— Нет, друзья,
Во сто раз бывает хуже,
Это точно знаю я.

— Где уж хуже...
— А не спорьте,
Кто не хочет, тот не верь,

Я сказал бы: на курорте
Мы находимся теперь.

И глядит шутник великий
На людей со стороны.
Губы — то ли от черники,
То ль от холода черны.

Говорит:

— В своем болоте
Ты находишься сейчас.
Ты в цепи. Во взводе. В роте.
Ты имеешь связь и часть.

Даже сетовать неловко
При такой, чудак, судьбе.
У тебя в руках винтовка,
Две гранаты при тебе.

У тебя — в тылу ль, на фланге, —
Сам не знаешь, как силен, —
Бронебойки, пушки, танки.
Ты, брат, — это батальон.
Полк. Дивизия. А хочешь —
Фронт. Россия! Наконец,
Я скажу тебе короче
И понятней: ты — боец.

Ты в строю, прошу усвоить,
А быть может, год назад

Ты бы здесь изведал, воин,
То, что наш изведал брат.

Ноги б с горя не носили!
Где свои, где чьи края?
Где тот фронт и где Россия?
По какой рубеж своя?

И однажды ночью поздно,
От деревни в стороне
Укрывался б ты в колхозной,
Например, сенной копне...

Тут, озноб вдувая в души,
Долгой выгнувшись дугой,
Смертный свист скатился в уши,
Ближе, ниже, суше, глуше —
И разрыв!
За ним другой...

— Ну, накрыл. Не даст дослушать
Человека.
— Он такой...

И за каждым тем разрывом
На примолкнувших ребят
Рваный лист, кружась лениво,
Ветки сбитые летят.

Тянет всех, зовет куда-то,

Уходи, беда вот-вот...

Только Теркин:

— Брось, ребята,

Говорю — не попадет.

Сам сидит как будто в кресле...

Всех страшит от огня.

— Ну, а если?..

— А уж если...

Получи тогда с меня.

Слушай лучше. Я серьезно

Рассуждаю о войне.

Вот лежишь ты в той бесхозной,

В поле брошенной копне.

Немец где? До ближней хаты

Полверсты — ни дать ни взять,

И приходят два солдата

В поле сена навязать.

Из копнушки вяжут сено,

Той, где ты нашел приют,

Уминают под колено

И поют. И что ж поют!

Хлопцы, верьте мне, не верьте,

Только врать не стал бы я,

А поют худые черти,

Сам слышал: Москва моя.

Тут соорил Теркин рожу
И привстал, держась за пень,
И запел весьма похоже,
Как бы немец мог запеть.

До того тянул он криво,
И смотрел при этом он
Так чванливо, так тоскливо,
Так чудно, — печенки вон!

— Вот и смех тебе. Однако
Услыхал бы ты тогда
Эту песню, — ты б заплакал
От печали и стыда.

И смеешься ты сегодня,
Потому что, знай, боец:
Этой песни прошлогодней
Нынче немец не певец.

— Не певец-то — это верно,
Это ясно, час не тот...
— А деревню-то, примерно,
Вот берем — не отдает.

И с тоскою бесконечной,
Что, быть может, год берег,
Кто-то так чистосердечно,
Глубоко, как мех кузнечный,

Вдруг вздохнул:

— Ого, сынок!

Подивился Теркин вздоху,
Посмотрел, — ну, ну! — сказал, —

И такой ребячий хохот
Всех опять в работу взял.

— Ах ты, Теркин. Ну и малый.

И в кого ты удался,
Только мать, наверно, знала...

— Я от тетки родился.

— Теркин — теткин, елки-палки,

Сыпь еще назло врагу.

— Не могу. Таланта жалко.

До бомбежки берегу.

Получай тогда на выбор,

Что имею про запас.

— И за то тебе спасибо.

— На здоровье. В добрый час.

Заключить теперь нельзя ли,

Что, мол, горе не беда,

Что ребята встали, взяли

Деревушку без труда?

Что с удачей постоянной
Теркин подвиг совершил:
Русской ложкой деревянной
Восемь фрицев уложил!

Нет, товарищ, скажем прямо:
Был он долог до тоски,
Летний бой за этот самый
Населенный пункт Борки.

Много дней прошло суровых,
Горьких, списанных в расход.

— Но позвольте, — скажут снова,
Так о чем тут речь идет?

Речь идет о том болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь — по грудь;

Где в трясине, в ржавой каше,
Безответно — в счет, не в счет —
Шли, ползли, лежали наши
Днем и ночью напролет;

Где подарком из подарков,
Как труды ни велики,
Не Ростов им был, не Харьков,
Населенный пункт Борки.

И в глуши, в бою безвестном,
В сосняке, в кустах сырых
Смертью праведной и честной
Пали многие из них.

Пусть тот бой не упомянут
В списке славы золотой,
День придет — еще повстанут
Люди в памяти живой.

И в одной бессмертной книге
Будут все навек равны —
Кто за город пал великий,
Что один у всей страны;

Кто за гордую твердыню,
Что у Волги у реки,
Кто за тот, забытый ныне,
Населенный пункт Борки.

И Россия — мать родная —
Почесть всем отдаст сполна.
Бой иной, пора иная,
Жизнь одна и смерть одна.

18. О любви

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

Не подарок, так белье
Собрала, быть может,
И что дольше без нее,
То она дороже.

И дороже этот час,
Памятный, особый,
Взгляд последний этих глаз,
Что забудь попробуй.

Обойдись в пути большом,
Глупой славы ради,
Без любви, что видел в нем,
В том прощальном взгляде.

Он у каждого из нас
Самый сокровенный
И бесценный наш запас,
Неприкосновенный.

Он про всякий час, друзья,
Бережно хранится.
И с товарищем нельзя
Этим поделиться,
Потому — он мой, он весь —
Мой, святой и скромный,
У тебя он тоже есть,
Ты подумай, вспомни.

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

И приходится сказать,
Что из всех тех женщин,
Как всегда, родную мать
Вспоминают меньше.

И не принято родной
Сетовать напрасно, —
В срок иной, в любви иной
Мать сама была женой
С тем же правом властным.

Да, друзья, любовь жены, —
Кто не знал — проверьте, —
На войне сильней войны
И, быть может, смерти.

Ты ей только не перечь,
Той любви, что вправе
Ободрить, предостеречь,
Осудить, прославить.

Вновь достань листок письма,
Перечти сначала,
Пусть в землянке полутьма,
Ну-ка, где она сама

То письмо писала?

При каком на этот раз

Примостилась свете?

То ли спали в этот час,

То ль мешали дети.

То ль болела голова

Тяжко, не впервые,

Оттого, брат, что дрова

Не горят сырые?..

Впряжена в тот воз одна,

Разве не устанет?

Да зачем тебе жена

Жаловаться станет?

Жены думают, любя,

Что иное слово

Все ж скорей найдет тебя

На войне живого.

Нынче жены все добры,

Беззаветны в досталь,

Даже те, что до поры

Были ведьмы просто.

Смех — не смех, случилось мне

С женами встречаться,

От которых на войне

Только и спасаться.

Чем томиться день за днем

С той женою-крошкой,

Лучше ползать под огнем

Или под бомбежкой.

Лучше, пять пройдя атак,

Ждать шестую в сутки...

Впрочем, это только так,

Только ради шутки.

Нет, друзья, любовь жены —

Сотню раз проверьте, —

На войне сильнее войны

И, быть может, смерти.

И одно сказать о ней

Вы б могли вначале:

Что короче, что длинней —

Та любовь, война ли?

Но, бестрепетно в лицо

Глядя всякой правде,

Я замолвил бы словцо

За любовь, представьте.

Как война на жизнь ни шла,

Сколько ни пахала,

Но любовь пережила

Срок ее немалый.

И недаром нету, друг,
Письмеца дороже,
Что из тех далеких рук,
Дорогих усталых рук
В трещинках по коже,

И не зря взываю я
К женам настоящим:
— Жены, милые друзья,
Вы пишите чаще.

Не ленитесь к письмецу
Приписать, что надо.
Генералу ли, бойцу,
Это — как награда.

Нет, товарищ, не забудь
На войне жестокой:
У войны короткий путь,
У любви — далекий.

И ее большому дню
Сроки близки ныне.
А к чему я речь клоню?
Вот к чему, родные.

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

Но хотя и жалко мне,
Сам помочь не в силе,
Что остался в стороне
Теркин мой Василий.

Не случилось никого
Проводить в дорогу.
Полюбите вы его,
Девушки, ей-богу!

Любят летчиков у нас,
Конники в почете.
Обратитесь, просим вас,
К матушке-пехоте!

Пусть тот конник на коне,
Летчик в самолете,
И, однако, на войне
Первый ряд — пехоте.

Пусть танкист красив собой
И горяч в работе,
А ведешь машину в бой —
Поклонись пехоте.

Пусть форсист артиллерист
В боевом расчете,
Отстрелялся — не гордись,
Дела суть — в пехоте.

Обойдите всех подряд,
Лучше не найдете:
Обратите нежный взгляд,
Девушки, к пехоте.

Полюбите молодца,
Сердце подарите,
До победного конца
Верно полюбите!

19. Отдых Теркина

На войне — в пути, в теплушке,
В тесноте любой избушки,
В блиндаже иль погребушке, —
Там, где случай приведет, —

Лучше нет, как без хлопот,
Без перины, без подушки,
Примостясь кой-как друг к дружке,
Отдохнуть... Минут шестьсот.

Даже больше б не мешало,
Но солдату на войне
Срок такой для сна, пожалуй,
Можно видеть лишь во сне.

И представь, что вдруг, покинув
В некий час передний край,
Ты с попутною машиной
Попадаешь прямо в рай.

Мы здесь вовсе не желаем
Шуткой той блеснуть спроста,
Что, мол, рай с передним краем
Это — смежные места.

Рай по правде. Дом. Крылечко.

Веник — ноги обметай.
Дальше — горница и печка.
Все, что надо. Чем не рай?

Вот и в книге ты отмечен,
Раздевайся, проходи.
И плечьми у теплой печи
На свободе поведи.

Осмотришься вокруг детально,
Вот в ряду твоя кровать.
И учти, что это — спальня,
То есть место — специально
Для того, чтоб только спать.

Спать, солдат, весь срок недельный,
Самолично, безраздельно
Занимать кровать свою,
Спать в сухом тепле постельном,
Спать в одном белье нательном,
Как положено в раю.

И по строгому приказу,
Коль тебе здесь быть пришлось,

Ты помимо сна обязан
Пищу в день четыре раза
Принимать. Но как? — вопрос.

Всех привычек перемена
Поначалу тяжела.
Есть в раю нельзя с колена,
Можно только со стола.

И никто в раю не может
Бегать к кухне с котелком,
И нельзя сидеть в одеже
И корезить хлеб штыком.

И такая установка
Строго-настрога дана,
Что у ног твоих винтовка
Находиться не должна.

И в ущерб своей привычке
Ты не можешь за столом
Утереться рукавичкой
Или — так вот — рукавом.

И когда покончишь с пищей,
Не забудь еще, солдат,
Что в раю за голенище
Ложку прятать не велят.

Все такие оговорки

Разобрав, поняв путем,
Принял в счет Василий Теркин

И решил:

— Не пропадем.

Вот обед прошел и ужин.

— Как вам нравится у нас?

— Ничего. Немножко б хуже,

То и было б в самый раз...

Покурил, вздохнул и на бок.

Как-то странно голове.

Простыня — пускай одна бы,

Нет, так на, мол, сразу две.

Чистота — озноб по коже,

И неловко, что здоров,

А до крайности похоже,

Будто в госпитале вновь.

Бережет плечо в кровати,

Головой не повернет.

Вот и девушка в халате

Совершает свой обход.

Двое справа, трое слева

К ней разведчиков тотчас.

А она, как королева:

Мол, одна, а сколько вас.

Теркин смотрит сквозь ресницы:

О какой там речь красе.

Хороша, как говорится,

В прифронтовой полосе.

Хороша, при смутном свете,

Дорога, как нет другой,

И видать, ребята эти

Отдохнули день, другой...

Сон-забвенье на пороге,

Ровно, сладко дышит грудь.

Ах, как холодно в дороге

У объезда где-нибудь!

Как прохватывает ветер,

Как луна теплом бедна!

Ах, как трудно все на свете:

Служба, жизнь, зима, война.

Как тоскует о постели

На войне солдат живой!

Что ж не спится в самом деле?

Не укрыться ль с головой?

Полчаса и час проходит,

С боку на бок, навзничь, ниц.

Хоть убейся — не выходит.

Все храпят, а ты казись.

То ли жарко, то ли зябко,
Не понять, а сна все нет.
— Да надень ты, парень, шапку, —
Вдруг дают ему совет.

Разъясняют:

— Ты не первый,
Не второй страдаешь тут.
Поначалу наши нервы
Спать без шапки не дают.

И едва надел родимый
Головной убор солдат,
Боевой, пропахший дымом
И землей, как говорят, —

Тот, обношенный на славу
Под дождем и под огнем,
Что еще колючкой ржавой
Как-то прорван был на нем;

Тот, в котором жизнь проводишь,
Не снимая, — так хорош! —
И когда ко сну отходишь,
И когда на смерть идешь, —

Видит: нет, не зря послушал
Тех, что знали, в чем резон:
Как-то вдруг согрелись уши,
Как-то стало мягче, глуше —

И всего свернуло в сон.

И проснулся он до срока
С чувством редкостным — точь-в-точь

Словно где-нибудь далеко

Побывал за эту ночь;

Словно выкупался где-то,
Где — хоть вновь туда вернись —

Не зима была, а лето,

Не война, а просто жизнь.

И с одной ногой обутой,
Шапку снять забыв свою,
На исходе первых суток
Он задумался в раю.

Хороши харчи и хата,
Осуждать не станем зря,
Только, знаете, война-то
Не закончена, друзья.

Посудите сами, братцы,
Кто б чудней придумать мог:

Раздеваться, разуваться

На такой короткий срок.

Тут обвыкнешь — сразу крышка,

Чуть покинешь этот рай.

Лучше скажем: передышка.

Больше время не теряй.

Закусил, собрался, вышел,

Дело было на мази.

Грузовик идет, — слышал,

Голосует:

— Подвези.

И, четыре пуда грузу

Добавляя по пути,

Через борт ввалился в кузов,

Постучал: давай, крути.

Ехал — близко ли, далеко —

Кому надо, вымеряй.

Только, рай, прощай до срока,

И опять — передний край.

Соскочил у поворота, —

Глядь — и дома, у огня.

— Ну, рассказывайте, что тут,

Как тут, хлопцы, без меня?

— Сам рассказывай. Кому же

Неохота знать тотчас,

Как там, что в раю у вас...

— Хорошо. Немножко б хуже,

Верно, было б в самый раз...

— Хорошо поспал, богато,
Осуждать не станем зря.
Только, знаете, война-то
Не закончена, друзья.

Как дойдем до той границы
По Варшавскому шоссе,
Вот тогда, как говорится,
Отдохнем. И то не все.

А пока — в пути, в теплушке,
В тесноте любой избушки,
В блиндаже иль погребушке,
Где нам случай приведет, —

Лучше нет, как без хлопот,
Без перины, без подушки,
Примостясь плотней друг к дружке,
Отдохнуть.

А там — вперед.

20. В наступлении

Столько жили в обороне,
Что уже с передовой
Сами шли, бывало, кони,
Как в селе, на водопой.

И на весь тот лес обжитый,
И на весь передний край
У землянок домовитый
Раздавался песий лай.

И прижившийся на диво,
Петушок — была пора —
По утрам будил комдива,
 Как хозяина двора.

И во славу зимних буден
В бане — пару не жалея —
 Секлись вениками люди
Вязки собственной своей,

На войне, как на привале,
 Отдыхали про запас,
Жили, Теркина читали
 На досуге.

Вдруг — приказ...

Вдруг — приказ, конец стоянке.

И уж где-то далеки
Опустевшие землянки,
 Сиротливые дымки.

И уже обыкновенно
То, что минул целый год,
Точно день. Вот так, наверно,
И война, и все пройдет...

И солдат мой поседелый,
 Коль останется живой,
Вспомнит: то-то было дело,

Как сражались под Москвой...

И с печалью горделивой
Он начнет в кругу внучат
Свой рассказ неторопливый,
Если слушать захотят...

Трудно знать. Со стариками
Не всегда мы так добры.

Там посмотрим.

А покамест

Далеко до той поры.

Бой в разгаре. Дымкой синей

Серый снег заволокло.

И в цепи идет Василий,

Под огнем идет в село...

И до отчего порога,

До родимого села

Через то село дорога —

Не иначе — пролегла.

Что поделаешь — иному

И еще кружнее путь.

И идет иной до дому

То ли степью незнакомой,

То ль горами где-нибудь...

Низко смерть над шапкой свищет,

Хоть кого согнет в дугу.

Цепь идет, как будто ищет

Что-то в поле на снегу.

И бойцам, что помоложе,

Что впервые так идут,

В этот час всего дороже

Знать одно, что Теркин тут.

Хорошо — хотя ознобцем

Пронимает под огнем —

Не последним самым хлопцем

Показать себя при нем.

Толку нет, что в миг тоскливый,

Как снаряд берет разбег,

Теркин так же ждет разрыва,

Камнем кинувшись на снег;

Что над страхом меньше власти

У того в бою подчас,

Кто судьбу свою и счастье

Испытал уже не раз;

Что, быть может, эта сила

Уцелевшим из огня

Человека выносила

До сегодняшнего дня, —

До вот этой борозденки,
Где лежит, вобрав живот,
Он, обшитый кожей тонкой
Человек. Лежит и ждет...

Где-то там, за полем бранным,
Думу думает свою
Тот, по чьим часам карманным
Все часы идут в бою.

И за всей вокруг пальбою,
За разрывами в дыму
Он следит, владыка боя,
И решает, что к чему.

Где-то там, в песчаной круче,
В блиндаже сухом, сыпучем,
Глядя в карту, генерал
Те часы свои достал;
Хлопнул крышкой, точно дверкой,
Поднял шапку, вытер пот...

И дождался, слышит Теркин:
— Взвод! За Родину! Вперед!..

И хотя слова он эти —
Клич у смерти на краю —
Сотни раз читал в газете
И не раз слышал в бою, —

В душу вновь они вступали

С одинаковою той

Властью правды и печали,

Сладкой горечи святой;

С тою силой неизменной,

Что людей в огонь ведет,

Что за все ответ священный

На себя уже берет.

— Взвод! За Родину! Вперед!..

Лейтенант щеголеватый,

Конник, спешенный в боях,

По-мальчишечьи усатый,

Весельчак, плясун, казак,

Первым встал, стреляя с ходу,

Побежал вперед со взводом,

Обходя село с задов.

И пролег уже далеко

След его в снегу глубоком —

Дальше всех в цепи следов.

Вот уже у крайней хаты

Поднял он ладонь к усам:

— Молодцы! Вперед, ребята! —

Крикнул так молодецкато,

Словно был Чапаев сам.

Только вдруг вперед подался,

Оступился на бегу,

Четкий след его прервался

На снегу...

И нырнул он в снег, как в воду,

Как мальчонка с лодки в вир.

И пошло в цепи по взводу:

— Ранен! Ранен командир!..

Подбежали. И тогда-то,

С тем и будет не забыт,

Он привстал:

— Вперед, ребята!

Я не ранен. Я — убит...

Край села, сады, задворки —

В двух шагах, в руках вот-вот...

И увидел, понял Теркин,

Что вести его черед.

— Взвод! За Родину! Вперед!..

И доверчиво по знаку,

За товарищем спеша,

С места бросились в атаку

Сорок душ — одна душа...

Если есть в бою удача,

То в исходе все подряд

С похвалой, весьма горячей,

Друг о друге говорят.

— Танки действовали славно.

— Шли саперы молодцом.

— Артиллерия подавно

Не ударит в грязь лицом.

— А пехота!

— Как по нотам,

Шла пехота. Ну да что там!

Авиация — и та...

Словом, просто — красота.

И бывает так, не скроем,

Что успех глаза слепит:

Столько сыщется героев,

Что — глядишь — один забыт.

Но для точности примерной,

Для порядка генерал,

Кто в село ворвался первым,

Знать на месте пожелал.

Доложили, как обычно:

Мол, такой-то взял село,

Но не смог явиться лично,

Так как ранен тяжело.

И тогда из всех фамилий,

Всех сегодняшних имен —

Теркин — вырвалось — Василий!

Это был, конечно, он.

21. Смерть и воин

За далекие пригорки

Уходил сраженья жар.

На снегу Василий Теркин

Неподобранный лежал.

Снег под ним, набрякши кровью,

Взялся грудой ледяной.

Смерть склонилась к изголовью:

— Ну, солдат, пойдем со мной.

Я теперь твоя подруга,

Недалеко провожу,

Белой вьюгой, белой вьюгой,

Вьюгой след запорошу.

Дрогнул Теркин, замерзая

На постели снеговой.

— Я не звал тебя, Косая,

Я солдат еще живой.

Смерть, смеясь, нагнулась ниже:

— Полно, полно, молодец,

Я-то знаю, я-то вижу:

Ты живой да не жилец.

Мимоходом тенью смертной

Я твоих коснулась щек,

А тебе и незаметно,

Что на них сухой снежок.

Моего не бойся мрака,
Ночь, поверь, не хуже дня...

— А чего тебе, однако,
Нужно лично от меня?

Смерть как будто бы замялась,
Отклонилась от него.
— Нужно мне... такую малость,
Ну почти что ничего.

Нужен знак один согласья,
Что устал беречь ты жизнь,
Что о смертном молишь часе...

— Сам, выходит, подпишись? —

Смерть подумала.

— Ну что же, —

Подпишись, и на покой.

— Нет, уволь. Себе дороже.

— Не торгуйся, дорогой.

Все равно идешь на убыль.—

Смерть подвинулась к плечу.—

Все равно стянулись губы,

Стынут зубы...

— Не хочу.

— А смотри-ка, дело к ночи,

На мороз горит заря.
Я к тому, чтоб мне короче
И тебе не мерзнуть зря...

— Потерплю.

— Ну, что ты, глупый!
Ведь лежишь, всего светло.
Я б тебя тотчас тулупом,
Чтоб уже навек тепло.

Вижу, веришь. Вот и слезы,
Вот уж я тебе милей.

— Врешь, я плачу от мороза,
Не от жалости твоей.

— Что от счастья, что от боли —

Все равно. А холод лют.
Завилась поземка в поле.
Нет, тебя уж не найдут...

И зачем тебе, подумай,
Если кто и подберет.
Пожалеешь, что не умер
Здесь, на месте, без хлопот...

— Шутишь, Смерть, плетешь тенета.—

Отвернул с трудом плечо.—
Мне как раз пожить охота,
Я и не жил-то еще...

— А и встанешь, толку мало, —

Продолжала Смерть, смеясь.—

А и встанешь — все сначала:

Холод, страх, усталость, грязь...

Ну-ка, сладко ли, дружище,

Рассуди-ка в простоте.

— Что судить! С войны не взыщешь

Ни в каком уже суде.

— А тоска, солдат, в придачу:

Как там дома, что с семьей?

— Вот уж выполню задачу —

Кончу немца — и домой.

— Так. Допустим. Но тебе-то

И домой к чему прийти?

Догола земля раздета

И разграблена, учти.

Все в забросе.

— Я работник,

Я бы дома в дело вник,

— Дом разрушен.

— Я и плотник...

— Печки нету.

— И печник...

Я от скуки — на все руки,

Буду жив — мое со мной.

— Дай еще сказать старухе:
Вдруг придешь с одной рукой?
Иль еще каким калекой, —
Сам себе и то постыл...

И со Смертью Человеку
Спорить стало свыше сил.
Истекал уже он кровью,
Коченел. Спускалась ночь...

— При одном моем условии,
Смерть, послушай... я не прочь...

И, томим тоской жестокой,
Одинок, и слаб, и мал,
Он с мольбой, не то с упреком
Уговариваться стал:

— Я не худший и не лучший,
Что погибну на войне.
Но в конце ее, послушай,
Дашь ты на день отпуск мне?
Дашь ты мне в тот день последний,
В праздник славы мировой,
Услыхать салют победный,
Что раздастся над Москвой?

Дашь ты мне в тот день немножко
Погулять среди живых?

Дашь ты мне в одно окошко
Постучать в краях родных,
И как выйдут на крылечко, —
Смерть, а Смерть, еще мне там
Дашь сказать одно словечко?

Полсловечка?

— Нет. Не дам...

Дрогнул Теркин, замерзая
На постели снеговой.

— Так пошла ты прочь, Косая,
Я солдат еще живой.

Буду плакать, выть от боли,
Гибнуть в поле без следа,
Но тебе по доброй воле
Я не сдамся никогда.

— Погоди. Резон почище
Я найду, — подашь мне знак...

— Стой! Идут за мною. Ищут.
Из санбата.

— Где, чудак?

— Вон, по стежке занесенной...

Смерть хохочет во весь рот:

— Из команды похоронной.

— Все равно: живой народ.

Снег шуршит, подходят двое.

Об лопату звякнул лом.

— Вот еще остался воин.

К ночи всех не уберем.

— А и то: устали за день,

Доставай кисет, земляк.

На покойничке присядем

Да покурим натошак.

— Кабы, знаешь, до затяжки —

Щец горячих котелок.

— Кабы капельку из фляжки.

— Кабы так — один глоток.

— Или два...

И тут, хоть слабо,

Подад Теркин голос свой:

— Прогоните эту бабу,

Я солдат еще живой.

Смотрят люди: вот так штука!

Видят: верно, — жив солдат.

— Что ты думаешь!

— А ну-ка,

Понесем его в санбат.

— Ну и редкостное дело, —
Рассуждают не спеша.—
Одно дело — просто тело,
А тут — тело и душа.

— Еле-еле душа в теле...
— Шутки, что ль, зазяб совсем.
А уж мы тебя хотели,
Понимаешь, в наркомзем...

— Не толкуй. Заждался малый.
Вырубай шинель во льду.
Поднимай.

А Смерть сказала:
— Я, однако, вслед пойду.

Земляки — они к работе
Приспособлены к иной.
Врете, мыслит, растрясете —
И еще он будет мой.

Два ремня да две лопаты,
Две шинели поперек.
— Береги, солдат, солдата.
— Понесли. Терпи, дружок.—
Норовят, чтоб меньше тряски,
Чтоб ровнее как-нибудь,
Берегут, несут с опаской:

Смерть сторонкой держит путь.

А дорога — не дорога, —
Целина, по пояс снег.
— Отдохнули б вы немного,
Хлопцы...
— Милый человек, —
Говорит земляк толково, —
Не тревожься, не жалей.
Потому несем живого,
Мертвый вдвое тяжелей.

А другой:
— Оно известно.
А еще и то учесть,
Что живой спешит до места, —
Мертвый дома — где ни есть.

— Дело, стало быть, в привычке, —
Закljučают земляки.—
Что ж ты, друг, без рукавички?
На-ко теплую, с руки...

И подумала впервые
Смерть, следя со стороны:
До чего они, живые,
Меж собой свои — дружны.
Потому и с одиночкой
Сладить надобно суметь,
Нехотя даешь отсрочку.

И, вздохнув, отстала Смерть.

1942 г.